

МИЛАНА
РОМАНОВА

A young girl with vibrant red, spiky hair and black-rimmed glasses is the central figure. She is wearing a red turtleneck sweater and holding a small, ornate treasure chest. The chest is open, revealing a large blue gem on the inside of the lid and four smaller, colorful gems (purple, blue, pink, and green) in the base. The background is a blurred city street at night with neon lights in shades of blue and pink, and other people are visible in the distance.

ЛУКОМОРЬЕ
КАТИ ЖАБИНОЙ

Милана Юрьевна Романова

Лукоморье Кати Жабиной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72320449

SelfPub; 2025

Аннотация

Сделка с Феей. Таинственная шкатулка. Каждое доброе дело – драгоценный камушек и шаг к мечте. Но путь полон испытаний, а впереди – битва между миром волшебства и опасной компьютерной игрой. Чтобы победить, Кате нужно раскрыть главное: магия живёт не в шкатулке, а в её сердце.

Редактирование, корректура, вёрстка – Юрий Мирков.
Обложка сгенерирована при помощи ChatGPT 4o (Open AI).

Содержание

Послание от автора	5
Пролог	7
Глава 1 День Благодарения Начало	10
Глава 2 Заколдованное утро	15
Глава 3 «Поверь в себя»	19
Глава 4 «Что такое красота?»	21
Глава 5 Шкатулка желаний	27
Глава 6 Операция «Добро»	34
Глава 7 Альпийская свежесть	40
Глава 8 Градус честности	52
Глава 9 Макулатурный кризис	61
Глава 10 Не дожидетесь!	64
Глава 11 Благими намерениями	68
Глава 12 Ошибка в системе	81
Глава 13 Сбой дисциплинарного баланса	90
Глава 14 Особый режим наблюдения	97
Глава 15 Эксперимент щедрости	103
Глава 16 Когда добро не считается	118
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Милана Романова

Лукоморье Кати Жабиной

«Мир меняется не тогда, когда кто-то произносит заклинание, а когда кто-то делает добро, не надеясь на магию. И тогда происходит настоящее волшебство»
– Из недоступного тома Лукоморских Хроник.

Послание от автора

Дорогой читатель,

Иногда случаются истории – как будто не с нами, а где-то рядом. В другом мире. Там, где происходят настоящие чудеса. И если прислушаться... можно услышать. Я расскажу тебе одну историю. Она произошла в другом измерении. В том самом, где феи действительно существуют. Они порхают не над волшебными лугами и пряничными домиками, а между нашими словами, поступками, решениями. Они появляются не по зову, а по внутреннему свету. И исчезают, если сердце закрыто. Чтобы увидеть фею, не нужны волшебные очки. Нужно чуть больше доброты. Чуть меньше страха. И – настоящее желание понять главное. Красота – это не то, что ты видишь в зеркале. Красота – это то, что отражается в глазах других, когда ты становишься собой. Если ты держишь в руках эту книгу – возможно, тебе тоже когда-то не хватало веры. В себя. В людей. В добро. Но поверь: именно ты способен сделать этот мир ярче, светлее и добрее. Эта история не про волшебство. Она – про выбор. Про шаг, который можно сделать, даже если кажется, что изменить ничего нельзя. Про девочку, которая хотела стать самой красивой... и в итоге изменила целый мир вокруг себя. А может – и не только. Пусть эта книга станет не просто сказкой. Пусть она станет зеркалом, в котором ты вдруг увидишь... фею. И

узнаешь себя. Если ты готов – шагни. **Шкатулка ждёт. И кто знает... быть может, фея уже рядом.**

С любовью, Милана Романова

Пролог

Приглушённый свет наполнял комнату тёплой полутенью. Лёгкий аромат сандала витал в воздухе, обволакивая всё невидимым кисейным облаком. Напротив него сидела девушка с рыжими, неаккуратно разбросанными волосами. Её усталый взгляд скользил по столу, бледная кожа казалась почти прозрачной, а пальцы то и дело сжимали рукав свитера. В этом движении было что-то детское – как будто ей хотелось спрятаться. Он молчал. Просто смотрел на неё – долго, внимательно. Будто ждал, когда её внутренний мир вырвется из заточения.

– я не могу уснуть, – наконец сказала она. – у меня бессонница... Я не могу вспомнить... что-то очень важное... Это преследует меня...

Он кивнул. Осторожно, без слов, открыл ящик стола и достал небольшую шкатулку – старинную, потёртую, с вырезанными на крышке древними символами и лёгким запахом древесины. Он вынул из неё крупную колоду карт – пёстрых, живых, похожих на осколки снов. Девушка сдвинула брови.

– Что это?

– Метафорические карты, – спокойно ответил он. – Иногда нужно остановить поток мыслей и просто наблюдать. Я хочу предложить тебе игру.

Она слабо усмехнулась:

– В дурака?

В этот момент дверь комнаты отворилась. Один за другим стали заходить люди. Никто не говорил. Они просто рассаживались за столом – каждый сам по себе.

– Кто все эти люди? – спросила она шёпотом, чтобы никто не услышал.

Он также тихо ответил:

– Иногда люди выбирают проблемы, а иногда проблемы выбирают людей, – и загадочно улыбнулся.

– Не стесняйтесь, – сказал он уже громче, обращаясь ко всем. – Тяните карты по очереди, до тех пор, пока колода не закончится.

Первым потянулся молодой человек в толстовке, похожий на программиста. Не глядя на остальных, он вытянул карту и внимательно стал её рассматривать. На его лице промелькнула тень воспоминаний... Следующей была женщина средних лет с тугим пучком волос и серьёзным лицом. Она вытянула сразу две карты и тут же сжала их в руках, словно хотела спрятать. Девушка с рыжими волосами – тянула последнюю. Прикоснувшись к колоде, она закрыла глаза и вытащила одну карту... потом другую... Он наблюдал...

– Посмотрите внимательно на изображения, – тихо сказал он. – Это подсказки. Это тропы воспоминаний – те места, где вы когда-то остановились. Символы расскажут вам историю. У каждого будет своя. Вы вернётесь туда, чтобы вспомнить...

Все молчали. Только пальцы двигались по краям карт – переворачивали их, перекладывали. Воздух стал плотнее, пространство – глуше. Комната замерла в предвкушении чего-то. Он слегка подался вперёд и обвёл всех взглядом.

– Не спешите. Позвольте картам говорить первыми. Иногда они шепчут. Иногда молчат.

Он зажёл свечу в стеклянном подсвечнике. Пламя дрогнуло и застыло. В его отражении стекло вдруг показалось мутным – как будто за ним была не стена, а вода... или зеркало.

– Я попрошу вас закрыть глаза, – тихо сказал он. – Наблюдайте...

Глава 1 День Благодарения Начало

Яркие лучики солнца пронизывали изумрудную поляну, покачивали шёлковую паутинку и забирались в цветочные домики. Утро в Лукоморье начиналось, как всегда, волшеб-но. Роса сверкала на лепестках цветов, превращая их в дра-гоценные бокалы, наполненные светом. В крошечных очаро-вательных домиках, скрытых среди трав, одна за другой про-сыпались феечки. Потягиваясь, они выпархивали наружу – как разноцветные бабочки. Одни умывались росой, другие, зевая, растирали глазки, а самые музыкальные тут же прини-мались за свои утренние песенки, наполняя лес звоном ко-локольчиков и лёгким щебетанием.

– Посмотрите! Сегодня же День Благодарения! – первой опомнилась рыжеволосая Элина, подскочив на своей подуш-ке.

Её голос, как искорка, вспыхнул в утренней тишине. Феи замерли, а потом, словно по команде, стремглав метнулись к большому дубу, где под зелёным листом календаря прята-лась сегодняшняя дата. Ветерок-дозорный с важным видом сдёрнул вчерашнюю страницу – и та, закружившись, опусти-лась в траву. На новом листке яркими буквами было напи-сано: «День Благодарения».

– Скорее к МальБе! – воскликнула Элина, и вся разно-цветная стайка сорвалась с места, направляясь к высокому

зеркалу, скрытому в сердце цветочного холма.

За этим зеркалом жила покровительница снов – могущественная МальБа. У зеркала феи замерли. Начинался утренний ритуал пробуждения. Белокурая Лемма позвонила в колокольчик, голубоволосая Сильвина замахала изящным веером, а кудрявая Эльза дунула в цветочную дудочку. Остальные феи выстроились полукругом, порхая в воздухе и пританцовывая, как ученицы перед аудиенцией у королевы. Занавески из лунного шёлка вздрогнули, распахнувшись навстречу новому дню. На троне из лепестков и лунных паутин, окружённая мягкими подушками и благоухающими фиалками, лениво потягивалась МальБа. Она сладко зевнула, накрыв рот прозрачной ладошкой, и зыркнула на фей недовольным взглядом.

– Кто осмелился меня разбудить? – проворчала она, отмахиваясь от лёгкого облачка, застрявшего в причёске.

– МальБа, МальБа! – закричали наперебой феечки. – Сегодня День Благодарения!

МальБа приподняла бровь, медленно сняла с носа кружевную маску для сна и, приняв величественную позу, произнесла с ленивым пафосом:

– Как вы помните, в День Благодарения принято делать нечто по-настоящему доброе... желательно – незабываемое!

Феи захлопали в ладоши, закружились в серебристом вихре. МальБа, не разделяя их восторга, нахмурилась, надела на нос очки с бабочками и достала из-за трона тонкую указку с

лунной антенной на конце.

– Сейчас посмотрим, что у нас в расписании... – приборотала она и направила указку в сторону волшебного зеркала, висевшего на стене зала.

Зеркальная гладь колыхнулась, как озеро в лунную ночь, и выдала изображение: недовольная рыжая девочка с веснушками на носу, в мятом свитере, щурилась в утреннем свете.

– Только не она! – в панике закричала фея Бэли, улетающая к потолку. – Я её знаю! Она ужасная неряха!

– Она однажды перепутала меня с мухой! – возмутилась Лемма, прижимая крылышки к спине. – И хлопнула тетрадкой прямо по голове!

– Перестаньте! – строго сказала МальБа. – Я напущу на вас ледяной дождик, если не угомонитесь!

– Но она же неблагодарная! И капризная! И... и совсем не похожа на тех, кому хочется помогать! – запротестовали феечки хором.

– А кто вас спрашивал? – холодно отрезала МальБа и щёлкнула пальцами. – Здесь правила устанавливаю я! – Давайте... спросим у Ливанны! Пусть она скажет! – пискнули Арфа и Ассель, спрятавшись за лепестками.

– Нашли с кем советоваться! – недовольно буркнула МальБа.

Феечки уже мчались через Радужную тропу к центру Лесного Круга – там, где жил цветок-купол Ливанны, покровительницы растений. Цветок расцвёл им навстречу. Ливанна

вышла из лепестков в россыпях света – с тёплой улыбкой и глазами, полными солнца. Выслушав сбивчивый пересказ, она кивнула:

– Бросим жребий. Среди этих лепестков – только один в форме сердечка. На кого он опустится, тот и отправится к девочке.

Феечки вздрогнули. Лепестки взлетели, закружились над головами. Один – красный, сердцевидный – плавно опустился прямо на огненную шевелюру Элины.

– О нет! – ахнула она. – Только не я! Эта девочка... вредная, упрямая и совершенно непредсказуемая!

– Она твоя дальняя родственница, – спокойно сказала Ливанна. – У вас даже веснушка одинаковая. Вот, посмотри.

МальБа со скепсисом щёлкнула по зеркалу – и в отражении вновь появилось лицо Кати Жабиной. Веснушка в форме сердечка – в точности как у Элины – ясно выделялась на её носу. Феи ахнули. Кто-то прыснул. Кто-то не удержался и расхохотался.

– Что смешного?! – взорвалась МальБа, хлопнув ладонью по подлокотнику. – Я что, клоун в цирке?

Она гневно вдохнула и резко подула в сторону цветочной стены. Волшебную поляну накрыла фиолетовая туча. Ветер загудел, листья затрепетали, и на поляну пролился ледяной дождик. Феечки с визгом ринулись в укрытия, а воздух наполнился мелодичным постукиванием капель по лепесткам. Только Элина стояла неподвижно. Медленно, с лёгким вздо-

хом, она подняла лепесток-сердце и прижала его к груди. Задание принято. Назад пути нет.

Глава 2 Заколдованное утро

Тем временем в городе N тоже наступило утро. Комната Кати Жабиной, ученицы 6-Б класса, напоминала нечто среднее между камерой хранения, тиром и тренажёрным залом. По многочисленным просьбам, а иногда и требованиям родителей, Катя давно собиралась навести в ней порядок, но каждый раз находились дела поважнее. Где-то под кроватью пронзительно завизжал будильник. Бодрая песенка разрывала плотность пространства, впиваясь в Катины уши, которые всеми силами сопротивлялись впускать объективную реальность. Сонная рука нащупала телефон, валявшийся на полу, и нажала на кнопку «Выключить».

В этот самый момент, в другом конце комнаты на тумбочке, задребезжал второй будильник. Сон всё ещё крепко держал Катю в своих объятиях, но быстрая реакция и водный пистолет, дежуривший с другой стороны кровати, позволили ей, не просыпаясь, вырубить новый источник звука. Струя воды с точностью снайпера ударила в будильник. Тот подпрыгнул, ударился о батут и, вылетев в открытое окно, исчез из поля зрения.

Этажом ниже бригада строителей красила фасад. Будильник, вылетевший из окна, приземлился точно на каску ничего не подозревающего монтажника. Бедняга от неожиданности выронил ведро с краской, которое, в свою очередь, обру-

шилось на припаркованную машину. Водитель выскочил из машины с криками и, обнаружив на крыше краску, а на капоте будильник, в гневе метнул его прочь. На площадке неподалёку, дедушка выполнял воркаут на перекладине. На третьем перевороте он, не теряя равновесия, виртуозно отбил стремительно летящий будильник ногой – и тот фристайлом пронёсся над спортивным снарядами, совершил бумеранг и снова влетел в окно Кати. Именно в этот момент бабушка открыла дверь в комнату внучки, а лохматый пёс Транс успел ловко схватить зубами злополучный будильник. Всё произошло в считанные мгновения.

– Умничка, Транс! – похвалила бабушка, ласково потрепав пса за загривок.

Она взяла будильник в руки, искренне не понимая, почему он такой липкий и перекошенный.

– Вставай, Катюша, а то в школу опоздаешь!

– Ну, встаю, встаю... – бормотала Катя, неохотно отрывая голову от подушки.

– Вот и умница, – подбадривала бабушка. – Я приготовлю завтрак, а ты пока умывайся.

– Ага... – невнятно ответила Катя. Как только бабушка вышла из комнаты, Катя быстро закуталась в одеяло, но в дверь заглянул папа.

– Так не пойдёт, Катерина, – строго произнёс он. – Ты опять опоздаешь в школу.

Катя обречённо вздохнула. Её лицо выражало вселенскую

тоску. Сон был таким сладким, таким невозвратным.... А ведь в душе каждой девочки живёт принцесса. Иногда – с золотыми локонами, как Златовласка, иногда – молчаливая, как Русалочка, а порой – Спящая красавица, которую ну совсем не хочется будить по утрам... Катя Жабина, например, точно была одной из них: принцесса, просто слегка заколдованная. А злыдня, скорее всего, укатила на колесе самсары в другое измерение, оставив Катю наедине с многочисленными проблемами.

Ах сны... От сладких мыслей Катю оторвал плеск воды в умывальнике: её собственный. В зеркале отражался сонный «гадкий утёнок» с рыжей копной волос, растрёпанной во все стороны. Катя перевела взгляд на журнал «Гороскоп причёсок», валявшийся на туалетном столике. Она пролистала несколько страниц с модными причёсками и попыталась мысленно примерить их на себя. Отражение в зеркале ехидно ухмыльнулось. Катя скривилась, оттолкнула журнал и умылась. Отражение скорчило надменную гримасу. Когда она попыталась пригладить волосы, оно криво скосило глаза и высунуло язык.

– Очень смешно, – пробормотала Катя и, недолго думая, взяла мамину помаду и нарисовала смайлик прямо на зеркальном носу своего отражения.

Отражение попыталось его стереть. Кто знает, чем бы закончилась эта магическая дуэль, если бы не стук в дверь.

– Катрин, поторапливайся! – прозвучал голос папы.

Катя вытерла лицо полотенцем, бросила прощальный взгляд на обиженное отражение и, перед тем как выбежать, показала ему язык.

Глава 3 «Поверь в себя»

Шурша осенними листьями, Катя неторопливо брела по знакомой тропинке к школе. Нет, она вовсе не спешила – новый класс ей не нравился. А уж Ксения Верёвкина и вовсе вызывала внутреннее отторжение. Та ещё задавала! Возомнила себя первой красавицей. Катя презрительно фыркнула. Смешно. По её мнению, в Верёвкиной не было ничего особенного. Мимо промчался мальчишка на самокате, намеренно влетев в лужу. Брызги окатили Катю с головы до ног. Она вспыхнула, и уже собралась догнать наглеца, но, взглянув на платье с грязными кляксами, лишь вздохнула и принялась отряхиваться. Рядом на скамейке Катя заметила глянцевого журнал. С обложки улыбалась рыжеволосая красавица. Под фото – надпись: «Поверь в себя».

– Легко сказать, – буркнула Катя. – Была бы я такой красавицей, всё было бы по-другому...

Журнал, похоже, никому не принадлежал. Катя аккуратно сунула его в сумку и зашагала быстрее – до звонка оставались считанные минуты. Влетев в класс, она едва не растянулась у порога: кто-то подставил подножку. Раздался дружный хохот. Во главе стайки была, конечно, Верёвкина.

– Жабы, оказывается, тоже летают! – слышались ядовитые возгласы.

Катя проглотила обиду. Но на этом подлые нападки не за-

кончились. Подшибякин вырвал у неё из рук сумку и швырнул на последнюю парту. Журнал выпал.

– Ого! – присвистнул Подшибякин. Катя бросилась к нему, но мальчишки стали перекидывать друг другу журнал, как баскетбольный мячик. Она металась то к одному, то к другому, стараясь вырвать свою находку.

Подшибякин выскочил в коридор. Ламинат сиял так, будто его только что начистили до полированного блеска, и оказался столь скользким, что Катя, поскользнувшись, рухнула на колени и поехала вперёд, словно по ледяной горке. Её стремительный полёт внезапно прервался у ног ЛилиВанны, учительницы, в которую она врезалась на полном ходу.

– Жабина! Опять хулиганишь?! – строго произнесла она, поправляя очки.

Она выхватила журнал у Подшибякина и строго велела:
– В класс! Немедленно! Катя опустила голову и поплелась следом. Утро явно не задалось...

Глава 4 «Что такое красота?»

Зазвонил звонок. Класс гудел, как пчелиный улей, но стояло ЛилиВанне войти, как все стихли. ЛилиВанна, хоть и выглядела миловидно, отличалась железной выдержкой и строгим выражением лица. Сегодня её походка была особенно решительной. Катя это сразу почувствовала. Интуиция подсказывала: что-то грядёт. Учительница положила на стол глянцево́й журнал, открыла журнал классный и начала переключку. Катя временно переключилась в режим внутренней синхронизации. Переключка – идеальный момент для эмоциональной перезагрузки.

– Архимедов Антон! – прозвучал голос учительницы. У Антона были кудрявые волосы, и его голова казалась непропорционально крупной по сравнению с туловищем; он гордился своей фамилией и настаивал, чтобы его называли Архимедом, хотя одноклассники упорно звали его Логопедом – возможно, из-за проблем с дикцией, хотя некоторые, из практических соображений, всё же соглашались на «Архимеда», ведь тогда он разрешал списывать у себя домашку или даже контрольную.

Дальше шли Арина Родионова, Василиса Премудрая, Никита Кожемяка, Лёша Горыныч... Сказочный список, если, конечно, вычеркнуть из него Верёвкину, Подшибякина и Злобина, которые разрушали весь волшебный баланс.

– Жабина! – окликнула ЛилиВанна.

Катя вздрогнула, будто её облили ледяной водой:

– Я!

– Прекрасно. Все на месте. Стопроцентная посещаемость – репутация школы.

Она взяла журнал, полистала и подняла его:

– Чей это?

Тишина. Даже муха застыла в полёте. Но Подшибякин всё-таки влез:

– Есть тут одна – Царевна-лягушка, вернее, жаба!

Хохот. Катя съёжилась.

– А что смешного? – прищурилась ЛилиВанна. – На обложке красивая девушка: рыжие волосы как у Кати, и правильная надпись: «Поверь в себя». Учительница положила журнал на край Катиной парты. Щёки Кати горели. Только этого не хватало...

– А кто из вас скажет, что же такое красота? – продолжила ЛилиВанна.

Ксения Верёвкина встала, демонстративно откинув от лица кокетливый локон:

– Красота – это наследственность. У кого есть, у того ...

Учительница повторила жест, но с иронией

– А вдруг это просто обёртка?

– Все же ведутся на неё! – не сдавалась Верёвкина. – Даже говорят: «Красота спасёт мир»!

– Представляю... – заметила ЛилиВанна. – Илона, а ты?

Илона, похожая на задумчивую коалу, закатила глаза, буд-то отправляя запрос в своё внутреннее ChatGPT.

– Грета Тумберг, – выдала она вдохновенно.

– Вот как... – пробормотала ЛилиВанна, присаживаясь.

Подшибякин вставил:

– Мой батя говорит: бабло зло победит! Вот и вся красота.

– В наше время, купить можно что угодно, хоть лицо Анджелины Джоли! – захихикала Верёвкина.

– Жаль, извилины не продаются – отрезала ЛилиВанна.

Она повернулась к Кате:

– А ты, Жабина? Кто твой идеал?

– Вандер Вумен! – вылетело у Кати.

Класс загоготал.

– В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли, – произнесла ЛилиВанна с расстановкой, словно обращаясь не только к ученикам, но и к вечности. – Эти слова Антона Павловича Чехова не потеряют актуальности никогда.

Не обращая внимания на лёгкий гул в классе, она продолжила:

– А теперь – внимание. Прямо сейчас вы напишете сочинение на тему: «Что такое красота? Кто для вас идеал – и почему?»

С этими словами ЛилиВанна опустила на своё место, поправила очки и, слегка наклонившись, сосредоточенно по-

грузилась в электронный журнал. Класс зашуршал тетрадами. Катя пыталась сосредоточиться, но Подшибякин несколько раз ткнул её в плечо линейкой:

– Жаба, дай списать!

– Отвянь!

– Ладно, сама напросилась, – прошипел он.

Катя нахмурилась, постучала ручкой по тетрадке и написала: «Красота – это когда ты высокая, стройная, с длинными волосами, в костюме, который всем нравится: как у Вандер Вумен. Она красивая, сильная, и у неё всегда всё получается. Все её уважают, и боятся». Она посмотрела на свою кофту с катышками, вздохнула и добавила: «Если бы я была такой, как она, – у меня бы не было никаких проблем».

Катя подняла руку. – Можно выйти?

– Ты уже все сделала? – удивилась ЛилиВанна.

– Да! – твёрдо сказала Катя и аккуратно отложила тетрадь на край стола. Она торопливо выскользнула из класса. В школе было одно особенное место спасения – «кабинет задумчивости», более известный в народе как... туалет. Именно туда она и направилась.

Извлекла из сумки злополучный журнал, скомкала его с яростью, порвала в клочья и, не колеблясь, сбросила в унитаз. Щёлкнула кнопка слива – пришло мгновенное облегчение, словно целый мешок с плеч.

Все было сделано вовремя – в следующий миг раздался звонок на перемену. По коридорам пронеслась стая младше-

классников, улюлюкающих и орущих.

Катя замерла в нерешительности. Остаться здесь или рискнуть и пробиться в столовую? Желание съесть шоколадку оказалось весомее. Она рванула вперёд, ловко лавируя среди хаотичного столпотворения. Добыв еду, уже на обратном пути она вдруг увидела странную картину – с потолка капала вода.

Школьники визжали от восторга, устраивая себе мини-аквапарк. И тут завывла сигнализация. Учителя в панике стали выталкивать детей на улицу. Хлопали двери, слышались возгласы:

– Быстро! Без паники! По одному!

Катя ощутила внутренний триумф:

«Похоже, уроков больше не будет...»

К зданию подъехали аварийные машины с мигающими огнями. Учителя метались по школе, а ребята сновала по двору в восторге. Причина ЧП быстро выяснилась: канализацию затопило. В трубе застрял... журнал.

– Кто мог до такого додуматься?! – гроыхала Мальвина Барбарисовна, устрашающая директор школы.

И тут с верхнего этажа донёсся предательский возглас:

– Это Жабина!

Катя стояла перед директором красная как рак, едва сдерживая слезы.

– Как ты могла додуматься спустить в унитаз журнал?! –

бушевала Барбарисовна, размахивая руками.

– Я... я его по частям... – лепетала Катя сквозь всхлипы.

– Завтра с родителями!

– Они не смогут! – выпалила Катя в отчаянии. – Папа – капитан дальнего плавания, мама – в экспедиции, а бабушка... старенькая. Ей нельзя нервничать...

Мальвина Барбарисовна застыла. Затем медленно произнесла:

– Иди домой, Жабина. Но мы с тобой ещё не закончили...

Катя, пятась, выскользнула за дверь. В наступившей тишине к директору приблизилась ЛилиВанна:

– Мальвина Баббарисовна. Может, собрать родителей на внеочередное собрание? И заодно канализационный стояк заменить?

Барбарисовна метнула в неё ледяной взгляд:

– И сколько раз я просила: не коверкайте мою фамилию!

Не Ба-бра-рисовна а Барбарисовна

– Простите... Мальвина Ба... Барбарисовна, – запнулась ЛилиВанна и поспешно удалилась.

Глава 5 Шкатулка желаний

Жёлтые листья, суетливая малышня – всё вокруг казалось выцветшим, словно чёрно-белая картинка. День с самого утра не задался. Катя торопливо шагала по осенней аллее, стараясь поскорее промотать плёнку этого неудачного понедельника. Пнув засохшую ветку, она краем глаза заметила неладное. На заброшенной площадке несколько мальчишек лет восьми прицепили к лягушке игрушечный грузовик и под крики и смех заставляла бедное существо тянуть «груз», подбрасывая в него камешки. Катя многое могла стерпеть, но только не жестокость по отношению к беззащитным. В три прыжка она оказалась рядом с удивлёнными мучителями, схватила лягушку и, не дожидаясь, пока те придут в себя, сорвалась с места.

– Держи её! – закричали мальчишки и бросились в погоню.

Говорят, в момент опасности человек способен на невозможное. Катя ловко перемахнула через забор, перепрыгнула через ров и, не сбавляя темпа, оказалась на безопасной стороне. Преследователи отстали, лягушка была спасена. Теперь нужно было решать, что с ней делать. В голове замелькали варианты: отнести в зоопарк? Нет, там её скормят удаву. Домой? Мама боится лягушек сильнее, чем мышей. А чем её кормить? Может, в зоомагазин? Там ее продадут на

корм в зоопарк – и всё по кругу... И тут Катя вспомнила: в парке есть Лягушачье озеро. Оно так и называется отличное место! Отнесу туда», – впервые за день на её лице появилась улыбка. В парке царила осенняя тишина. Пахло землёй, мокрыми листьями и чем-то волшебным. Катя остановилась у мшистого пенька.

– Вот, твой новый дом, – прошептала она. – Надеюсь, ты найдёшь здесь друзей и больше никогда не попадёшься в лапы к вредным мальчишкам.

Она аккуратно посадила лягушку и повернулась, чтобы уйти, но вдруг сзади раздался странный голос:

– Катерина, не уходи!

Катя замерла. Голос был звонким, почти музыкальным. Она медленно обернулась – никого. Вокруг пусто – только листья шуршат.

– Что за ерунда?... – пробормотала она.

И вдруг прямо перед её носом вспыхнуло нечто яркое и рыжее. Катя, отшатнувшись, села прямо на землю. В воздухе кружилось существо, похожее на смесь бабочки, искры и тумана.

– Ну надо же, – прозвенел обиженный голос. – Люди совсем отвыкли от чудес. Стоит появиться фее – сразу в обморок!

Катя протёрла глаза. Перед ней порхала крошечная рыжеволосая фея с искристыми крылышками.

– Люди совсем не верят в чудеса ... Книжку читала про

Царевну-лягушку? – спросила фея.

– Глюк, – вслух подумала Катя.

– Да что ж такое! – всплеснула фея руками. – Я не глюк! И не джин и не приведение! Я – фея Эллина. Ты спасла меня, и тебе полагается награда.

– Я... спасла?

Это была лягушка... Фея взмахнула рукой

– Это была не обычная лягушка. Это была я.

– И ты хочешь, чтобы я поверила первой встречной бабочке.

Катя нахмурилась:

– Не верю!

– Откуда столько недоверия? – фея закатила глаза.

– А куда делась та самая лягушка? – подозрительно прищурилась Катя.

– Господи, откуда столько предрассудков! – всплеснула руками Эллина. – Это была я, – и, хлоп – фея – превратилась в лягушку, хлоп – обратно в фею, так несколько раз.

Катя тёрла глаза, щипала себя и, в конце концов, сдалась:

– А почему ты не спаслась сама, раз такая крутая?

Фея усмехнулась:

– Спасти себя – это просто. А спасти другого – это искусство и великая редкость. Я дала тебе шанс, и ты справилась!

– А можно твое превращение на мобильник снять?

– Ни в коем случае! – возмутилась фея. – Съёмка категорически запрещена! И вообще, – обиженно фыркнула она, –

если тебе ничего не нужно, тогда я исчезаю.

Фея сделала вид, что собирается испариться.

– Постой! Я уже почти поверила! – воскликнула Катя. – Так что там насчёт приза?

Фея протянула Кате крохотные, но сильные ручки, помогая подняться. Катю слегка покачивало.

– Главное – не волнуйся. При пересечении границ миров нарушается плотность пространства, поэтому может немного кружиться голова. Это нормально. Так вот! – продолжила фея. – За твой поступок тебе полагается приз: ты можешь загадать любое желание!

– Любое? – Катя прищурилась. – Даже... чтобы Верёвкина стала лысой, а Подшибякин и Злобин превратились в тараканов?

– М-м.... – протянула фея, задумавшись. – Ты уверена, что это твоё самое сокровенное желание?

Катя задумалась. В голове вихрем закружились варианты: «Хочу ездить в школу на единороге! Научиться читать мысли котов! Стать королевой какой-нибудь страны! Не учить уроки! Стать самой красивой, чтобы все завидовали...»

– А сколько желаний можно загадать?

– Только одно! – ответила Эллина.

– А можно хотя бы два желания?

– Только одно единственное! – раздражённо ответила фея. – Только давай поскорее, а то у меня портал захлопнется! Придётся ночевать в канаве – там жуткий холод, а я без

скафандра!

Катя зажмурилась и выпалила:

– Хочу быть самой красивой! – И добавила: – На всей Земле!

Фея аж поперхнулась: – На всей Земле? Ни в школе? Ни в городе?!

– Ага! – твёрдо подтвердила Катя.

Фея взмахнула палочкой, и вокруг закрубился золотистый свет. Но в последний момент Катя спохватилась:

– Подожди! А если меня дома не узнают?! Бабушку точно инфаркт хватит!

– Ну всё! – фея всплеснула руками. – Ты испортила весь процесс!

Катя смутилась:

– Может... можно как-то постепенно? Чтобы... без резких изменений?

Фея выглядела раздражённой, но всё же снова взмахнула палочкой. В воздухе закружились золотистые искры – перед Катей появилась изящная шкатулка.

– Вот: волшебная шкатулка. Каждое твоё доброе дело добавит в неё драгоценный камушек. Когда шкатулка наполнится – твоё желание исполнится. Все будет естественно, и все будут понимать, что ты – это ты.

Катя взяла шкатулку.

– Договор заключён. Будешь лениться – останешься... ну, такой, как есть.

– Эй, ты это... не намекай! – возмутилась Катя.

Фея хитро прищурилась:

– Тогда вперед! Делай добрые дела! Только помни: всё фиксируется. Обмануть шкатулку нельзя.

Катя вздохнула:

– Добрые дела... Ладно. Попробуем.

Фея расправила крылышки:

– Удачи! А мне – пора. Портал вот-вот закроется!

– Подожди! – воскликнула Катя. – А если что-то пойдёт не так?

– Читай инструкцию! И помни: магия любит честных!

И с этими словами она исчезла, оставив Катю на полянке с волшебной шкатулкой в руках и сердцем, полным странного предчувствия. Катя заглянула внутрь. На дне шкатулки лежал свёрнутый листок пожелтевшей бумаги:

«Инструкция-гарантия. Каждое доброе дело равноценно одному драгоценному камушку. Когда шкатулка будет наполнена, ваше желание исполнится автоматически, безотлагательно и в полном объёме. Гарантийный талон действителен до момента исполнения желания. Данная информация является конфиденциальной и не подлежит огласке. При нарушении инструкции исполнение желания аннулируется без права восстановления. Претензии принимаются с 9:00 до 16:30 по рабочим дням».

Катя трижды прочитала текст. «Ну что ж... нет ничего

проще, чем делать добрые дела! – подумала она. – Вот только пообедаю – и сразу начну!»

Глава 6 Операция «Добро»

Катя почувствовала, как у неё открылось второе дыхание. Запихнув шкатулку в сумку, она зашагала домой уверенной поступью, с чувством собственного достоинства. Теперь-то мои добрые дела покажут всем, кто есть кто! – подумала Катя, и загадочная улыбка скользнула по её лицу.

Большую часть времени Катина бабушка посвящала своим растениям. Её комната напоминала пёстрый газон экзотической оранжереи. Цикламены, трахикарпусы, пара финиковых деревьев, пальма, лимонный кустик и даже манговое дерево, которое упрямо отказывалось плодоносить. Бабушка, впрочем, верила – всё ещё впереди. Вот и сейчас она с головой ушла в настройку «освещения по биоритмам». Пёс Транс с интересом наблюдал за этим процессом, виляя хвостом. Из кухни тянуло ароматом выпечки.

Катя тихонько открыла дверь и проскользнула в свою комнату. Первым делом – спрятать шкатулку. Пока бабушка занята, надо действовать быстро, но Транс, учуя знакомый запах, бросился навстречу. Катя успела спрятать шкатулку в шкаф и сделать вид, будто увлечена учебниками.

– Катерина, когда ты успела прийти? – Бабушка удивлённо развела руками.

– Я уже давно. Вот, уроки делаю, – невозмутимо соврала Катя.

– Совсем я глухая стала, не слышала, как ты вошла...

Транс жалобно заскулил. «Вот и хорошо, что собаки не умеют разговаривать», – подумала Катя, но бабушка вдруг направилась к шкафу. У Кати застыло дыхание: «Если она увидит шкатулку – всё. Нарушение инструкции... конец!» Катя резко выкрикнула:

– Бабушка! У тебя что-то горит!

В тот же миг бабушка схватилась за голову и кинулась на кухню:

– Ох, боже ты мой, пирожки в духовке!

Транс помчался следом. Катя быстро зарыла шкатулку поглубже в бельё, перевела дух и поспешила на кухню. В животе урчало – бабушкин обед ждал. С аппетитом уплетая томатный суп и яблочный пирог, Катя мысленно составляла план добрых дел.

– Катерина, сделай доброе дело – сбегай в аптеку, пожалуйста. Надо забрать капли из рецептурного. Совсем про них забыла.

Катя чуть не подавилась. Доброе дело? По инструкции!

– Конечно, бабушка!

Поблагодарив за обед, она пулей вылетела из подъезда. Аптека была на соседней улице. Взлетев по ступенькам, Катя протянула рецепт в окошко. Фармацевт улыбнулась:

– Молодец, что помогаешь старшим!

Внутри неё разлился тёплый свет. Катя с радостью прижала пакет с лекарствами, как трофей за первое доброе дело.

В голове звучала музыка: «Поверь в себя». На крыльце рядом с аптекой мальчик в инвалидной коляске поднимался по пандусу. Он только что одолел последний метр и отпустил руки от ободьев, чтобы поправить рюкзак. Похоже, тормоз был не зафиксирован. Катя, погружённая в мысли, случайно задела ручку коляски.

– Ой, простите... – выдохнула она и пошла дальше, но вдруг услышала щелчок. Коляска покатила назад.

– Стой!.. – крикнул мальчик, пытаясь схватиться за колёса.

Катя обернулась. Коляска неслась вниз. Пандус был длинный, с неудачным наклоном. Внизу – лестница, затем тротуар, а за ним – шоссе с бешеным движением транспорта.

– Э-эй?.. – неуверенно пробормотала Катя, приподнимая брови.

Мальчик, сидевший в коляске, судорожно пытался дотянуться до ручек, но поздно. Колёса уже начали вращаться в обратную сторону.

– СТОЙ! – закричал он и вцепился в подлокотники.

Коляска поехала. Нет, она покатила. А потом помчалась, как тележка в гипермаркете, потерявшая хозяина... Сперва она медленно скользнула вниз по пандусу, потом – всё быстрее, и наконец – рванула на полном ходу.

– Боже-боже-боже! – выдохнула Катя и ринулась следом. Коляска преодолела площадку, подпрыгнула на бордюре, взвизгнула всеми своими осями. Бумажный стакан с кофе,

оставленный кем-то на пути, взлетел в воздух описывая параболу, как в замедленной съёмке. Мальчик, прижавшись к спинке, выглядел одновременно испуганным и сосредоточенным, как гонщик «Формулы-1», оказавшийся на детской горке.

– Остановииииииись! – визжала Катя, пытаясь догнать набирающую скорость инвалидную коляску летевшую в сторону оживленного шоссе.

Она споткнулась о бордюр, схватилась за урну, отпрыгнула от голубя, едва не влетела в бочку с песком, потом чуть не сшибла пожилого пенсионера с газетой. Пакет с лекарствами стегал Катю по ноге, кеды скользили по мокрому асфальту, и всё это под хор карканья ворон и случайных выкриков прохожих:

– ОСТОРОЖНО!

– ДЕВОЧКА, СМОТРИ, КУДА ПРЕШЬ!

Коляска между тем обогнула уродливую клумбу с пластиковыми гномами, подпрыгнула на выбоине и почти вырвалась на проезжую часть. Это была не просто погоня: это был марш-бросок длиной в жизнь. Катя вбежала в траекторию коляски, и тут – удар. Коляска врезалась в клумбу. Одно колесо повисло в воздухе, второе вгрызлось в землю. Всё застыло. Катя вцепилась в ручки, дрожа всем телом.

– Ты в порядке? – прошептала она.

Мальчик моргнул.

– Да... спасибо... Если бы не ты...

– Прости... – Катя не знала, куда деваться от неловкости.

– Всё нормально. Никто не пострадал... кроме клумбы, – кивнул он в сторону покорёженных кустиков.

Катя криво улыбнулась:

– Я... правда не заметила. Выбежала слишком быстро.

– Это я виноват: не зафиксировал тормоз, – вздохнул он.

– Главное – всё обошлось.

– Коля. Из второго подъезда, – представился он.

– Ага, – кивнула Катя.

– Видел тебя раньше. Ты всё время такая деловая...

Она пожала плечами, и они покатали в сторону дома.

– Чем увлекаешься? – отстранено спросила Катя, справляясь со стрессом.

– Компьютерами. Программирую, играю. Соревнования, спорт – всё это в играх. Этим и живу.

Катя кивнула, хотя не очень понимала.

– А ты?

– Ну... девчачьими штуками. – Катя едва не ляпнула про шкатулку.

– Таинственные вещи, о которых мальчишкам знать не положено, – усмехнулся он.

Они рассмеялись... Незаметно Катя и Коля оказались у подъезда. Из дверей вышла светловолосая женщина:

– Коля! Я тебя потеряла. Где ты был?

– Всё в порядке, мам. Познакомься – это Катя, из третьего подъезда, мой новый друг.

Катя вздрогнула. Слово «друг» прозвучало неожиданно.

– Здравствуйте, – неловко кивнула она.

– Спасибо, что помогла Коле, – улыбнулась женщина.

– Ну... я пойду. Бабушка ждёт. Лекарства... – пробормотала Катя.

– Пока! – весело сказал Коля.

Катя слегка махнула рукой и поспешила домой.

Глава 7 Альпийская свежесть

Катя летала вверх по лестнице, будто поднималась к финалу олимпийского марафона. Сердце стучало как барабан, щеки горели от возбуждения, а в руках она сжимала аптечный пакет как символ триумфа. «Это же сразу три добрых дела!» – ликующе подсчитывала она: «аптечный забег, спасение Коли, доставка лекарства. Неужели волшебная шкатулка не заметит таких подвигов?» На пороге её встретила бабушка с тревожными глазами и палками для скандинавской ходьбы в руках.

– Долго же ты! Я уж собралась идти на выручку! Видишь, даже лыжи достала! – сказала она, гордо потрясая палками.

Катя проямлила что-то про очередь и, пользуясь заминкой, юркнула в комнату. Транс, свернувшись клубочком на коврике, блаженно посапывал, как сторож, в охраняемой парковке. Катя осторожно приоткрыла шкаф, зарылась в бельё и достала свою шкатулку. Руки дрожали. Это был момент истины. «Сейчас... сейчас...» – она приоткрыла крышку. Шкатулка была пуста: ни рубина, ни сапфира, ни даже мельчайшего обломка волшебного стеклышка—: лишь одинокий листок с инструкцией, мятая бумажка, как чья-то усмешка.

Катя всхлипнула:

–Как так? Я же старалась...

Она перечитала инструкцию, как приговор: «Каждый доб-

рый и полезный поступок добавляет в шкатулку волшебный камушек».

– А что же тогда не добавилось?! – прошептала она в отчаянии. – наверное из-за Коли?... Но я же не специально...

Огорчение опустилось в живот ледяной плитой. Шкатулка отправилась в недра шкафа, а Катя разочарованно присела на подоконник. Небо за окном было серым, будто тоже не понимало, что пошло не так.

– Алиса, список добрых дел, пожалуйста, – с надрывом сказала она, хватая ручку и листок бумаги.

– Список добрых дел достаточно обширный, – бодро отозвался голосовой помощник. – Начинаю перечисление. Уступите свою очередь в магазине...

– Угу... Предлагаешь отправиться на поиски очереди...

– Подвезите соседа бесплатно...

– У меня даже велосипеда нет.

– Сдайте кровь...

– У меня малокровие...

– Подарите улыбку...

Катя сжала ручку.

– Алиса, прекрати! Я просила креативно, а не как на стенде в поликлинике.

– Агрессия снижает эффективность добрых дел, – напомнила Алиса с лёгким упрёком.

– Умолкни уже – Катя со вздохом отложила листок.

– Всегда рада помочь, – сказала Алиса.

В этот момент из коридора послышался голос бабушки:

– Я пошла на скандинавскую прогулку! Вернусь через час!

И не вздумай ничего взрывать, Катерина!

Дверь захлопнулась. Щёлкнул замок. Транс сонно перевернулся на другой бок. Катя встала, вздохнула и потёрла ладошки.

– Так... начинаем операцию «Добро».

Первый пункт — уборка в папином кабинете. Катя стояла у порога отцовской комнаты, как археолог, впервые ступивший на раскопки давно исчезнувшей цивилизации. Перед ней раскинулась территория, где царствовали древние бумаги, осыпавшиеся с полок книги, карандаши, спящие под слоями пыли, и подозрительные клочки с формулами, как будто папа пытался взломать код Вселенной, но отвлёкся на бутерброд.

– Начнём с самого безопасного, – пробормотала Катя. – Поверхностное обезвреживание.

На столе лежали газеты эпохи динозавров, с пожелтевшими страницами и новостями вроде: «Увеличится ли курс доллара к июлю 2015-го?» Катя аккуратно сложила их в стопку, которую назвала «архив на всякий случай». Затем перешла к карандашам. Их было много. Они лежали везде: под книгами, между книгами, на книгах, в папиной чашке и даже под подлокотником кресла. Катя выстроила из них пирамиду в кружке, будто готовилась к ритуалу в духе древних папинских обрядов. Далее – мусор. Вооружившись пин-

цетом (точнее, двумя пальцами) она с хирургической точностью извлекла из-за монитора засохшую корочку хлеба. Потом – смятый бумажный самолетик, который, как выяснилось, содержал план урока по психологии.

Катя подошла к шкафу, распахнула дверцу и вытащила пылесос – новенький, современный, с хромированными вставками и шнуром, который сворачивался сам одним устрашающим щелчком, как змея, ныряющая в своё логово. На корпусе красовалась гордая надпись: «CyclonPower Turbo Silent 360» – устройство, способное сожрать любую пыль и половину детских игрушек в радиусе пяти метров.

– Ну здравствуй, красавец, – шепнула Катя, поглаживая гладкий корпус. – Сейчас мы устроим генеральную.

Пылесос зажуужал с приятным цифровым «бззз» и замигал синими огоньками, словно сигналил: «Сканирую боевую готовность». Катя включила его в розетку – и он послушно вздрогнул, как будто готовый к прыжку. Шланг оказался длиннее, чем ожидалось: он расползлся по полу, словно резиновый осьминог, цепляясь за ножки стола, дверцу шкафа и даже ногу Кати.

– Спокойно, циклоп. Я командир, ты – техника, – строго сказала она.

Она нажала кнопку «Максимум». Пылесос взревел, как миниатюрный двигатель самолёта на взлёте, и мощной тягой втянул конфетный фантик, книжную закладку и кусочек чего-то, что, возможно, когда-то было виноградиной.

– Тише-тише, не проглоти историю!

Катя поспешно выудила из шланга книжную закладку с надписью: «Счастье – это внутреннее состояние ума». Похоже, пылесос считал иначе. Она перешла к ковру – шерстяному монстру, усеянному папиными носками, крошками, волосами и одинокими пуговицами. Пылесос всасывал всё с жадностью. Иногда он вскакивал на угол ковра и пытался съесть его целиком, а Катя, как укротитель в цирке, отбивала ковёр ногой.

– Не надо ковёр! У тебя лапа съедет! – прикрикнула она и уменьшила мощность.

Пылесос обиженно захрипел, будто ему не дали дососать самое вкусное. Катя вела трубку вдоль плинтуса. Оттуда вылетела пылинка с крылышками – будто в этой квартире давно завелись мини-феи. Пылесос тут же её всосал, причмокнув, как гурман. А потом случилось непредвиденное: шнур зацепился за дверцу шкафа, и в момент, когда Катя сделала поворот, шкаф жалобно скрипнул и выдал на пол стопку журналов «Наука и жизнь», 1999–2020 гг.

– Ага! Вот кто мешал циркуляции энергии! – удовлетворённо заметила Катя, как настоящий фэншуй-мастер.

Пылесос бодро пританцовывал на колесиках, поворачиваясь вокруг своей оси с видом балерины-робота. Он явно чувствовал себя центром ритуала очищения. Катя закинула шланг за плечо, как солдат винтовку, и повела атаку на зону под кроватью. Там, конечно, жил собственный микрокли-

мат. Слой пыли, забытые носки, несколько резинок для волос, обложка от тетради и пес Транс, который поспешно вылез с выражением глубокой обиды на морде.

«— Прости, друг: генеральная — всех касается, — сказала Катя и нырнула глубже.

Пылесос внезапно проглотил резинку — и зажужжал радостно, будто только что распробовал суши. Катя чуть не уронила трубку от неожиданности.

— Ты с ума сошёл?! Это была моя последняя нормальная резинка!

Но было поздно. Резинка уже вращалась внутри прозрачного контейнера вместе с пылью и клочками неизвестного происхождения. Катя угрюмо смотрела на это вихрящееся безумие.

— Ну хоть бабушкины очки не проглотил — и на том спасибо, — вздохнула она.

Через десять минут уборки Катя стояла в центре комнаты, опершись на шланг пылесоса, как на древний боевой посох — волосы взъерошены, лицо покрыто тонким слоем триумфального пота. Пылесос мягко шумел, мурлыкая от удовольствия.

— Победа, братец. Мы сделали это, — шепнула Катя и выключила устройство.

Пылесос послушно затих. Контейнер был полон трофеев: пыль, пара пуговиц, три резинки, кусочек пластилина и ещё всякая неопознанная всячина. Катя вытащила шнур, и тот

мгновенно смотался обратно в корпус с таким щелчком, что Транс подскочил от неожиданности. Катя победоносно прошагала в ванную, волоча за собой тяжёлую корзину с грязным бельём. Корзина была набита до отказа: оттуда выглядывали носки, майки, полотенце с надписью «Formula 1» и загадочный розовый свёрток, происхождение которого вызывало тревогу.

– Надеюсь, это не бабушкины колготки для церковных праздников... – пробормотала Катя и открыла люк стиральной машины.

Машина, сверкая стеклянным глазом, смотрела на неё с лёгким неодобрением. На корпусе сияли кнопки и сенсорная панель с таинственными режимами: «Эко-пар», «Спорт-стирка», «Ночная тишина», «Шёлк и медитация».

– Нам бы «Атака на грязь», – пробурчала Катя и принялась загружать барабан.

Первым пошёл папин свитер – могучий, вязанный, с запахом кофе. Затем пара футболок, носки (некоторые – в гордом одиночестве), тряпка, явно бывшая когда-то салфеткой, и бабушкина сорочка с надписью: «Мир дому твоему».

– Надеюсь, этот мир выдержит цикл отжима...

Когда Катя закрыла дверцу, барабан недовольно подпрыгнул. Машина издала характерное «бдыщ» – словно намекала, что её загрузили, как верблюда на восточном базаре. Теперь – стиральный порошок. Катя ловко отвинтила крышечку, сделала мерную горку порошка и... добавила ещё одну.

И ещё чуть-чуть. Ну, чтобы наверняка.

– За все грехи, – пояснила она и торжественно высыпала смесь в лоток.

Запахло лимоном, лавандой и чем-то агрессивно-мыльным, от чего хотелось чихнуть и покаяться. На всякий случай она добавила кондиционер. Его упаковка обещала, что бельё станет «мягким, как облако». Катя сомневалась, что хоть раз кто-то прикасается к облаку, но решила поверить. И ещё она решила добавить ароматный порошок, который стоял в коробочке рядом. Теперь кнопка запуска: целая панель, целый космодром. Катя нажала кнопку «Хлопок 60°», затем «Интенсивно», потом «Дополнительное полоскание», потом... поняла, что сбила все настройки и машина начала мигать, как новогодняя гирлянда .

– Спокойно, друг, – прошептала она и, сжав кулак, нажала «ПУСК».

Машина ожила. Сначала – глухо зарычала, затем – заурчала, потом – издала протяжный вздох, будто принимала ванну сама, и только потом – начала крутить. Бельё завертелось с поразительной скоростью. За стеклом замелькали пятна, носки, рукава, которые тянулись друг к другу, как пассажиры в переполненном автобусе.

– Стиральный хоровод имени Катерины Жабиной, – прокомментировала Катя.

Бельё то замирало, то разгонялось, то кружилось, словно участвовало в танцевальном конкурсе, а пена поднималась,

как суфле в мультиварке. Всё это сопровождалось звуками, отдалённо напоминающими крики китов, застрявших в подводном лабиринте.

– Всё идёт по плану, – довольно сказала Катя, устроившись на табуретке. – Наука и добродетель – великая сила.

Машина между тем пошла на последний круг, начала отжим – и заколебалась. Барабан бился, как сердце перед контрольной. Звук стал тревожным: «ВЖУУУ-ВЖУУУ-УУУ-БУМ-БУМ-БУМ». Катя в ужасе прижалась к стене.

– Господи, кажется, она взлетает! Или перемещается в другое измерение...

В прихожей щёлкнул замок. Катя замерла. Открылась дверь, и в квартиру ворвался голос мамы – лёгкий, как ветер перед грозой:

– Мы дома!

Катя подпрыгнула так, будто у неё под ногами сработала мышеловка. На бегу она пригладила волосы, пнула под диван тряпку и успела изобразить лицо добродетельной труженицы, которая вот-вот получит грамоту за вклад в чистоту родного дома.

– Ух ты, генеральная уборка? – удивился папа, стягивая куртку. – Или нас ограбили, и воры решили на прощание пропылесосить?

Он вдохнул... и приостановился. Катя следила за ним, как лисёнок за крупной добычей: с надеждой, но настороженно.

– Подозрительно... – пробормотал он, морща нос. – Чем

здесь пахнет?

– Альпийской свежестью, – отрапортовала Катя, уверенная в себе, как новый освежитель воздуха.

Папа пошёл по запаху, как собака-ищейка по следу. Остановился у ванной, послушал стиралку, как доктор – пульс у пациента, приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Стиральная машина добросовестно работала. Барабан крутился, бурча и кряхтя, будто перемалывал кирпичи с ароматом хвойного леса. От машины исходило странное тепло – влажное, густое, словно кто-то сварил в ней целый лесной массив.

– Хм... – изрёк отец, вышел и закрыл за собой дверь.

Глаза его были печальными и одновременно философски отрешёнными.

– Немедленно открыть окна. Это... не кондиционер. Это строительный клей.

Внутри Кати что-то провалилось как белье после отжима, щёки налились краской, в голове всё завертелось, как в том же барабане, только теперь вместе с мыслями, испарениями и запахом «альпийской катастрофы».

– Нельзя этого ребёнка оставлять одного! – всплеснула руками бабушка.

Клеевой запах «Альпийской свежести» ещё плавал под потолком, когда мама вошла в ванную, чтобы развесить бельё. Катя осталась в комнате, притворившись, шпионом в засаде. Она понимала: всё решится сейчас.

– Так... – раздался голос мамы из-за двери. – Стирка вро-

де закончилась. Барабан... тёплый.

Мгновение – тишина. Потом – щелчок замка, скрип... Дверца стиралки открылась... И дальше всё случилось так быстро, что Катя не успела ни вдохнуть, ни перекреститься.

– АААААААААА!!!

Мамин крик можно было принять за сирену гражданской обороны, словно с её голосом в ванную ворвался апокалипсис. Катя подскочила и бросилась к двери, папа метнулся следом. Они вбежали в ванную и... замерли. Внутри стиральной машины находилась одна единая вещь. Раньше это были футболки, свитера, носки и полотенце с зайчиком, теперь – нечто монолитное: огромный беловато-серый комок, с отпечатком бабушкиной вышивки, как последней реликвии.

– Что?. Это? – выговорила мама, глядя в бездну барабана.

– Эм... Альпийская скала? – неуверенно предположила Катя.

Папа уже молча пытался отлепить один угол комка от барабана – бесполезно.

– Это... ОБОЙНЫЙ КЛЕЙ?! – обернулась мама.

– Я думала, это кондиционер! – взвизгнула Катя. – Он был в такой красивой баночке! Там была нарисована природа, лес, Альпы, белый олень

– Это промышленный состав для укладки кафеля, – тихо сказал папа, не отрываясь от барабана. – Его надо размешивать миксером и наносить шпателем...

– О, Господи... – простонала мама. – Бельё... Всё бельё!

Оно слиплось! – -Его можно в музей современного искусства сдать! Или использовать как строительный блок, – философски добавил папа. – а еще как туалетный столик.

Катя стояла в дверях, словно обвиняемая на суде мира.

– Но я же хотела как лучше... Я старалась!

Мама прижала руку ко лбу.

– Катя, ты не просто девочка, ты – биореактивный элемент непредсказуемого действия. Тебе нельзя доверить даже чайник, не то, что стиралку!

– А ещё Алиса сказала, что добрые дела приносят внутреннюю гармонию.

– Алиса сказала? – мама обернулась. – Алиса, ты здесь?

– Всегда, – откликнулся знакомый голос. – Хотите услышать вдохновляющую цитату?

– Только если это будет инструкция по выживанию, – буркнул папа и закрыл дверцу стиралки.

Катя опустила глаза.

– Главное – не останавливаться, – пробормотала она. – Чем ближе к цели, тем сильнее препятствия...

Папа посмотрел на неё и усмехнулся:

– Ну что ж, Катя, в следующий раз – просто пыль протрёшь. Без клея.

Бабушка заглянула в ванную, увидела комок в машине, и только вздохнула:

– Я знала. Я всё знала. Но поздно...

Глава 8 Градус честности

Мама молча вышла из комнаты. В её шаге было всё: разочарование, усталость и громкое многоточие. Катя взяла учебник, тетрадь и с видом обречённого курсанта отправилась на поиски последней надежды. В гостиной царил тишина, посапывание Транса, растянувшегося на ковре, напоминало о том, что жизнь продолжается в привычном ритме. Папа сидел в своем кресле, погружённый в чтение каких-то бумаг, которые выглядели настолько серьёзно, что можно было заподозрить его в подготовке к запуску космического спутника. Очки на носу, сосредоточенный взгляд, абсолютно непроницаемое лицо... Катя подошла на цыпочках, как сапёр, крадущийся по минному полю.

– Па-а-а-почка, – протянула она, пристраиваясь сбоку. – Можешь сделать для меня одну совсем крошечную, микроскопическую вещь?..

Папа даже не шевельнулся, продолжая следить за строчками, но голос его прозвучал сдержанно и настороженно:

– Смотря что ты попросишь.

Катя моментально изменила интонацию, притворившись безобидным ангелом:

– Это сущие пустяки! Ну, ерунда. Пыль. Комариный писк. Для тебя – ничего, а для меня... жизненно важно!

Папа всё-таки посмотрел поверх очков.

– Звучит интригующе. Что конкретно от меня требуется?

– У меня мозги расплавились, пап. Я реально не могу сообразать. Математика. Если я её не сделаю – мне капец...

– Что ещё за капец? – удивился он, отложив бумагу.

– Ну, то есть кранты: всё, конец, катастрофа вселенского масштаба!

Папа вздохнул.

– А если мама с бабушкой узнают, что ты опять пытаешься соскочить с домашки?

– Пап, спаси ребёнка! Если ты не поможешь, мне придётся расплакаться, а ты же не хочешь утонуть в слезах собственной дочери?

Папа улыбнулся, покачал головой:

– Давай своё задание. Только так: я пишу на черновике, а ты переписываешь и потом разбираешься. По рукам?

– Договорились! – радостно кивнула Катя и торжественно вручила в руки папы учебник, как победный флаг.

Они уселись рядышком, и между ними снова воцарилось то самое, тёплое, родное понимание, которое возникало каждый раз, когда они были вдвоём. Папа никогда не повышал голос. Даже когда был недоволен, он просто хмурился так выразительно, что этого хватало. Катя уважала его за это молчаливое величие, за уверенность и – что уж там – за способность понимать её даже тогда, когда она сама себя не понимала...

Задание было сделано. Оставалось только переписать его

в тетрадку, но Катя медленно погружалась в сон. Он подкрадывался мягко, как уютный плед в дождливую погоду. Перед глазами вспыхивали обрывки дня, напоминающие кадры из фильма: глянцева обложка, Подшибякин и Верёвкина, потоп в школе, коляска, катящаяся к дороге, Фея-лягушка с золотой палочкой и шкатулка, в которой так и не появился ни один обещанный камушек...

Катя вздрогнула во сне... Лес: серый, туманный... Всё было как-то бесцветно, как будто художник забыл раскрасить картину. Ветки деревьев скрипели, осуждая её поступки. Ветер гонял по тропинке сухие листья, а посреди дороги возвышался странный дуб – чёрный, старый, и очень хмурый. На ветке болтался колокольчик. Он звенел – сначала тихо, потом громче, громче... Звон стал настолько отчётливым, что Катя вздрогнула и открыла глаза. Над ней склонилась мама с будильником в руке.

– Вставай, спящая красавица.

Катя зажмурилась и простонала:

– Мне кажется, у меня температура...

Мама приложила ладонь ко лбу и сухо заметила:

– Мне так не кажется.

– А мне кажется, у меня температура, – упрямо заявила Катя, завернувшись в одеяло, как в кокон.

– Зачем гадать? – спокойно ответила мама. – Сейчас принесу градусник.

Когда мама вышла, Катя с ловкостью фокусника схватила

телефон и молниеносно пробежалась пальцами по экрану. Её пальцы, хоть и не владели ни скрипкой, ни фортепиано, сейчас выдали виртуозную партию: «Как повысить температуру на градуснике?» Она надеялась, что подсказка из интернета поможет избежать скучного школьного дня, но телефон оказался не таким проворным. Ответы едва начали загружаться, когда в дверях появилась мама.

– Вот градусник. А телефон я, пожалуй, заберу. При высокой температуре экран вреден для глаз.

– Только не телефон! – взмолилась Катя

– Извини, зайка, – строго сказала мама и положила телефон в карман спортивных штанов. – Через семь минут вернусь.

Катя лежала, уставившись в потолок, как в бездну вселенской несправедливости. Изъятый телефон томился где-то в кармане маминых спортивных штанов, и даже Алиса больше не предлагала вдохновляющих цитат. Мир рухнул!

– Как вообще раньше люди жили без интернета? – пробормотала она вслух, закутавшись в одеяло, словно в защитный кокон. – Без лайфхаков, без видеоинструкций, без «10 способов отпроситься из школы, если ты не болен, но очень хочешь...»

Она обиженно фыркнула.

– А если мне срочно нужно узнать, как симулировать понос? Или отличить аппендицит от простуды? Или... или... как подделать подпись бабушки на записке?

Но ответа не было— ни от интернета, ни от Транса, развалившегося рядом и печально наблюдающего, как старый мудрец, который давно понял истину... В этот момент в комнату впорхнула бабушка – с заботливым лицом, аккуратно несущая большую кружку чая с липовым цветом и мятой.

– На, солнышко, пей. Горяченькое. Всё как ты любишь. Я туда мёду добавила, и имбиря, и варенья малинового немножко, – говорила она, ставя кружку на тумбочку, – а я пока сериал досмотрю.

Как только дверь закрылась, и шаги бабушки затихли, Катя рывком села в постели, схватила термометр и уставилась на него, будто это была волшебная палочка Гарри Поттера.

– Ладно... Будем действовать...

Она аккуратно окунула градусник в чай, стараясь, чтобы ртутный столбик оказался ровно в середине чашки. Жидкость приятно зашипела – чай был действительно горячим, как добрые намерения бабушки. В комнате повисло тревожное молчание. Даже Транс насторожился и поднял голову. Но в эту минуту послышались быстрые шаги в коридоре, и голос мамы:

– Катя, я иду! Надеюсь, градусник показывает хоть что-то внятное.

Катя вытащила градусник, вдохнула поглубже, и приготовилась к роли.

– Тридцать девять и девять... – прошептала мама, сверяя данные. – Ну всё. Надо вызывать скорую...

Катя не ожидала такого рвения: «В смысле, «скорую»? А чай, одеяло, покой? Но мама уже вызвала неотложку. Бабушка в ужасе выпотрошила аптечку:

– Нурофен, аспирин, «медвежий жир»

Катя побледнела: «Стоп! Нет! Это уже за гранью... искусства».

Дверной звонок прозвенел, как выстрел в глухой тишине. Бабушка метнулась к двери с неожиданной прытью марафонца, а мама, всё ещё держа градусник, выдохнула:

– Слава Богу. Приехали.

На пороге стояли двое: женщина в белом халате с сумкой-дипломатом и худощавый мужчина с видом человека, повидавшего слишком много школьников с «температурой 42».

– Скорая. Где пациент? – деловито спросила женщина, оглядывая прихожую.

– В спальне! – кивнула мама. – Ей очень плохо: сильный жар, лицо красное, глаза блестят...

– Всё как всегда, – буркнул фельдшер, устало закатывая глаза.

Они вошли в комнату... и остановились: пусто, кровать заправлена, подушка на месте, одеяло лежит идеально. Даже чашка чая стоит на тумбочке, дым всё ещё поднимается – словно сама Катя только что испарилась в воздухе, как привидение.

– Где ребёнок?! – в голосе медсестры прозвучал упрёк,

тревога и легкое раздражение.

Мама опешила.

– Тут... буквально только что...

Фельдшер прошёл по комнате, открыл дверь шкафа, заглянул под стол.

– Может, вы нас с кем-то перепутали? – подозрительно прищурился он. – Это точно вы, вызвали врача для температурающей девочки?

– Это мы, конечно ...! Я сама звонила! – возмутилась мама. – Градусник показал 39,9! Она лежала тут, бледная, еле дышала...

Бабушка появилась в дверях, хватаясь за сердце:

– Боже мой! Бедная девочка... Это воздействие вчерашнего яда...

Врачи подозрительно покосились на бабушку.

– Да нет...занервничала Инга, мама Кати. – Это соседи тараканов травили...запах был неприятный...вчера...

В этот момент Транс вылез из-под кровати и подал голос – глухое ворчание с оттенком тревожного презрения. Фельдшер заметил лёгкое движение штор – кто-то прятался за гардиной. Он молча подошёл и резко дёрнул ткань – за шторой – ничего. Но тут гардероб издал подозрительный скрип.

– Там! – указала бабушка, дрожащим пальцем.

Медсестра решительно распахнула дверцу шкафа, и оттуда, медленно, как черепаха из панциря, показалась растрёпанная рыжая голова, за ней – виноватые глаза, пижама и все

остальное.

– Здравствуйте... – прошептала Катя.

Фельдшер прищурился:

– Ну вот, нашли беглянку. Удивительно, сколько в ребёнке скрытности, и артистизма!

– Это не я! Это чай! – воскликнула Катя. – В смысле, это всё – чай! Я просто хотела...

Мама тяжело вздохнула.

– Простите... Я действительно думала, что у неё жар. Она такая была... драматичная.

– Такие вот «драматичные» вызывают нас по несколько раз в день, – фельдшер устало отряхнул халат, – и каждый раз – шкаф, или занавеска, или ванная.

– Однажды девочка спряталась в духовке, – добавила медсестра с мрачной тоской.

– Я туда не полезла бы, честно! – поспешила заявить Катя.

– Очень разумно, – кивнул фельдшер. – Ну что ж. Раз температуры нет – мы поехали. У нас, между прочим, сегодня уже шестая «жертва математики».

Он направился к двери, но обернулся:

– А вам, юная леди, рекомендую меньше читать форумы «Как обмануть родителей», и больше – учебник по алгебре.

Катя вздохнула и кивнула. Когда дверь закрылась, бабушка села на кровать:

– Я всегда говорила: настоящая беда – не в градусах, а в фантазии.

– И в интернете, – добавила мама.

Катя молча кивнула, но про себя подумала: «Если бы не интернет, я бы не знала, как правильно прятаться в шкафу».

Глава 9 Макулатурный кризис

Медики в белых халатах удалялись с видом опустошённых людей, только что вернувшихся с неудачной экспедиции на Эверест. За спиной осталась квартира, в которой не оказалось ни лихорадки, ни паники, ни даже приличного обморока – только шкаф и чрезмерная фантазия.

– Запишем: «ложный вызов. Симптомы: избыток воображения и горячий чай», – буркнул фельдшер, хлопнув дверью.

Катя облегчённо выдохнула и уже почти собралась снова нырнуть в своё укрытие, как в коридоре раздался голос:

– Где она?! Где?! Кто-нибудь видел мою диссертацию?!

На пороге стоял папа – растрёпанный, с одним носком, в одной руке сжимая телефон, в другой пухлый конверт. Глаза бегали, как у человека, которого только что разбудили и сообщили, что Землю захватили инопланетяне.

– Я?.. Не видела... – пробормотала Катя, выходя из шкафа с видом ребёнка, только что уронившего глобус и уничтожившего пару материков.

– Но ты же вчера убиралась в моём кабинете! – почти закричал папа, начиная метаться по комнате. – Она была на столе. Пачка бумаги. С графиками! С формулами! С жизнью!

Катя поперхнулась.

– Возможно... я... э-э... подумала, что это макулатура...

Молчание зависло в воздухе, как доисторический птеродактиль. Бабушка, до этого прятавшаяся в тени, трагически всплеснула руками:

– Ой, а я мусор только что вынесла!

– Что?! Куда?! В какой бак?! В серый? В синий? В тот, что с замком или без?!

– Сейчас схожу, проверю! – в панике засуетилась бабушка, уже хватаясь за ключи.

Папа закружился по комнате, как дирижёр, потерявший оркестр. Катя закрыла глаза, вздохнула и тихо, очень тихо сказала:

– Пап...я вспомнила, она в корзине. Я не успела выбросить. Там... под столом.

Мгновение. Все замерли. Даже Транс перестал чесать ухо и поднял взгляд. Через секунду вся семья, как по команде, отправилась в кабинет. И да, она была там: стопка бумаг, живая, в целости и сохранности, в мусорной корзинке. Папа вытащил её с такой бережностью, будто это было новорождённое дитя.

– Моя... родная... – прошептал он и прижал диссертацию к груди.

А потом вдруг распахнул руки и заключил Катю в объятия:

– Ты спасла меня! Ты просто... моя спасительница!

Катя замерла, покраснела и, уткнувшись носом в папину

футболку, пробормотала:

– Ну я ж старалась...

– Но на будущее... – папа отстранился и посмотрел ей в глаза с выражением профессора, читающего лекцию по выживанию, – больше никаких уборок: ни тряпок, ни пылесоса, ни желания помочь, особенно вблизи моего кабинета.

Он стремительно выскользнул из комнаты с папкой в руке, как разведчик с секретным докладом. Мама, скрестив руки, посмотрела на Катю строго, но уже без прежней тревоги:

– Если я правильно понимаю... болезнь миновала?

– Это был... стресс: клин клином, как говорит бабушка.

– Хорошо. Тогда клин – это школа. Быстро собирайся. Ко второму уроку ты точно успеваешь. А я, между прочим, из-за твоей «температуры» получу выговор, а может, и вычет из зарплаты! – мама возмущённо повернулась к двери, но остановилась, как будто что-то вспомнила:

– И телефон я всё равно забираю: для профилактики. Транс понимающе чихнул и уткнулся мордой в подушку.

Глава 10 Не дождетесь!

Школьный коридор гудел, как улей. Ученики толпились у шкафчиков и подоконников, обсуждая последние новости и делясь впечатлениями. Катя, слегка запыхавшись, вошла в класс, стараясь не привлекать к себе внимания.

– О, восьмое чудо света припёрлось! – раздался голос Подшибякина. – Я уж подумал, что у жаб сегодня выходной, – добавил он, срываясь на хохот.

Катя молча посмотрела на него:

– Подшибякин, хочешь – дам списать домашку по математике?

– Сегодня день жабьей щедрости? – не унимался тот. – Кто поделится домашкой, тот через три дня получит айфон 20. Примитивно, Жабина.

– А вы, лузеры! – провозгласил он, обратившись ко всему классу. – Кто прошёл «АстралКод: Омега» на максимальной сложности? Подшибякин! Запомните это имя! Класс замер. Даже Архимедов поднял голову от своей книги.

– «Кодекс: Омега»? – переспросил кто-то. – Это же новая игра, которую никто не мог пройти!

– Так ты теперь герой? – заметила Верёвкина.

– Именно! – гордо заявил Подшибякин. – Я прошёл. Меня допустили к «особой миссии». Это только для тех, кто завершил «Зал Шифров».

Он повернул экран своего планшета к одноклассникам. На нём мигал значок: «Уровень пройден: Лабиринт 7». В центре – стилизованный осьминог из пикселей с одним красным глазом.

– Это было нечто! – продолжал он. – Такие загадки, такие ловушки... Но я справился!

– Значит, домашка по математике тебе не интересна, победитель-геймер? – пожала плечами Катя.

– Не интересна! Но... пожалуй, Жабина, сделаю тебе одолжение – приму твою подачку. – Он выхватил тетрадь и с важным видом плюхнулся за парту. – Эх, Жаба, ты на глазах хорошеешь!

Архимедов привстал с тетрадью: – Эй, ты же всегда у меня списывал!

– Век конкуренции, Архимед. Всё меняется.

– На тело, погружённое в жидкость, действует выталкивающая сила, – вставил Злобин. – Закон Архимеда!

Класс захихикал, но тут появилась ЛилиВанна. Смех мгновенно стих.

– Жабина, почему ты отсутствовала на первом уроке?

– В поликлинике была, прививку делала... – соврала Катя.

– Надеюсь, ты в порядке? Сегодня не буду вызывать тебя к доске, – сказала ЛилиВанна и добавила: – Остальных это не касается! Проверяем домашнее задание.

Палец учительницы пошёл по списку:

– П... Подшибякин. К доске. Тетрадь на стол.

Она нахмурилась: – Очень неаккуратный почерк. Без объяснений я ничего не понимаю.

Подшибякин занервничал:

– Ну... это... стандартные формулы использовал.

– Какие именно?

Он замолчал. Класс затих. Катя заметила, как он подаёт ей знаки. Она отвернулась – сама ещё не понимала, какую формулу применил её отец. ЛилиВанна перехватила взгляд:

– Подшибякин, ты не можешь объяснить решение, значит, ты его списал. Это была Жабина?

Подшибякин покраснел.

– Это была ошибка... – пробормотал он.

– Двойка! И третья за четверть. Придётся ходить на дополнительные. Или – второй год.

Подшибякин пошёл к парте.

– Жабина, пожалуйста, обоснуй формулу.

Катя хлопала глазами. Она не знала, что сказать.

– Вы использовали формулу, которую мы ещё не проходили, – строго сказала ЛилиВанна. – Это уровень высшей математики. Или вы вундеркинд, или списали у гения. Архимедов?

– В решении есть ошибка, – добавила она, – так что и Архимедова это касается.

Катю распирало от возмущения. Отец – выпускник физмата! Он не мог ошибиться!

– Все ошиблись, – подытожила ЛилиВанна. – Эти форму-

лы мы будем проходить только в старших классах.

Все захихикали. Уши Кати полыхали. Подшибякин угрюмо мял свою шевелюру. «Папа... твоё гениальное решение подвело меня...» – подумала Катя. Доброе дело снова обернулось катастрофой. После уроков, на углу, Катю поджидал Подшибякин с двумя приятелями.

– Жабина, рыжих жаб не бывает! – окликнул он.

Прежде чем она успела ответить, в неё полетела зелёнка – из водяных пистолетов. Волосы, руки, платье – всё стало зелёным. Она рванула обратно в школу, добежала до умывальника – и столкнулась с директором.

– Жабина! Что это?!

Катя подняла глаза. Подшибякин за стеклом показал кулак.

– Всё нормально, Мальвина Барбарисовна. Я... под дождик попала. Видимо, радиоактивный...

Директор прищурилась:

–ты ОБЯЗАНА сообщить, кто это сделал.

Катя вышла на улицу. Мир казался зелёным. Прохожие оглядывались.

– Это что? Новый тренд? – перешёптывались за спиной.

Катя шла молча, сквозь смех, взгляды и зелёные разводы: «Фея... лягушка... шкатулка... добрые дела... Всё это – дурацкое! Почему именно со мной? Почему снова Я?!» И всё же, стиснув зубы, она подумала: «Не дождётесь!»

Глава 11 Благими намерениями

Катя открыла дверь и, не поднимая головы, быстро прошмыгнула в ванную комнату. Из зеркала на неё смотрел зелёный человечек.

– Ужас! – прошептала она, разглядывая своё отражение.

Лицо, руки, даже шея были покрыты зелёными разводами. Она намылила лицо, потом волосы, потом ещё раз лицо. Зелёнка была стойкой, очень стойкой.

– Как мне в таком виде хорошие дела совершать? Может, ну их, эти хорошие дела? Буду жить, как жила себе... – проворчала Катя.

Но желание мести было настолько сильным, что не давало Кате вот так вот просто взять и отказаться от своей цели. В мечтах Катя заставляла рыдать всех мальчишек, а Верёвкину с её подружками рвать на себе волосы от зависти. И как можно было отказаться от этой идеи?!

– Придётся потерпеть, – успокаивала себя Катя, вытираясь полотенцем.

– Катерина, ты случайно цветы не поливала, а то моя орхидея на глазах вянет от избытка воды?

Бабушка приоткрыла дверь.

– Ой! – воскликнула она, увидев зелёную внучку. – Катюша, ты что это? Новый шампунь? Или маска для лица?

– Бабушка, – сказала Катя, не переставая тереть щеку по-

лотенцем, – это мы в школе по химии опыты проводили: смесь сухого спирта, марганца и немного бензальдегида выдали непредсказуемую реакцию.

– Вы уже химию изучаете? Надо же, как бежит время, – посетовала бабушка.

Катя грустно хмыкнула. Она снова включила воду и продолжила тереть мочалкой зелёные пятна.

– Давай только маме с папой ничего не будем говорить, а то начнётся опять.

– Ну что ты, внученька, – Конечно, ничего не скажем! – уверенно успокоила бабушка.

Транс с любопытством разглядывал Катю.

– Эх, Транс, мне бы твои проблемы, – вздохнула Катя, проходя мимо.

Бабушка выглянула из кухни:

– Как ты, моя девочка?

Катя подняла глаза к потолку.

– Великолепно, бабушка. Просто великолепно!

– Тогда давай выпьем чаю. Чай помогает посмотреть на все проблемы со стороны.

Катя задумчиво размазывала варенье ложкой по блюдечку.

– Спасибо, ба. Чай действительно помог, – с искренней благодарностью сказала она, отставляя чашку.

– Вот и хорошо, – улыбнулась бабушка.

– Сомнений нет! – Я иду к своей цели!

– Ну и славно! Загляни по дороге в почтовый ящик.

Катя натянула джинсы, свитер, глянула в зеркало. Отражение ответило ей одобрительным кивком. На улице было свежо, а в небе лениво плыли облака, похожие на ватных барашков. Катя вышла из подъезда, и ее переполняло чувство решимости. Добрые дела простирались спереди и сзади – куда ни глянь. Они маячили на каждом шагу, зазывая её в мир победоносных свершений. Неожиданно, на краю тротуара появилась зияющая тёмная пасть открытого люка. Он был не огорожен, не обведён сигнальной лентой – просто зиял своей чёрной, угрюмой дырой, как портал в другое измерение. Катя остановилась, уставившись в эту бездну. Лёгкий ветерок дохнул оттуда сыростью и чем-то механическим – возможно, там в глубине обитали монстры...

– Открытый люк прямо на тротуаре! – возмутилась Катя. – А если сюда упадёт ребёнок? Старушка? Собака? Или... мэр города?!

Фантазия тут же нарисовала ей, как по очереди – бабушка с авоськой, школьник с рюкзаком, лохматая дворняга и, наконец, чиновник в пиджаке с бейджиком «мэр» – исчезают в этом жерле. Катя потерла ладони о джинсы, ухватила за тяжёлую крышку и, пыхтя, принялась её двигать: «Ну-у-у! Ещё... чуть-чуть! Давай, Катя, ты же сила природы!»

Крышка нехотя сдвинулась и с грохотом встала на место, закрыв пасть люка. Катя выпрямилась, отряхнула руки, как победитель турнира по тяжёлой атлетике, и с удовлетворе-

нием выдохнула:

– Всё. Теперь никто не пострадает. Миссия выполнена!

Но едва она сделала шаг, как из-под крышки донёлся глухой рык. Или бас... Или... скрип металла? Катя замерла. Глаза расширились. «Может, там диггеры? Или мутанты?» – пронеслось в голове. Крышка внезапно задрожала, и – бах! – отскочила в сторону, как крышка консервной банки. Из недр люка показалась голова в оранжевой каске.

– Кто тут хулиганит?! – рывкнул мрачный сантехник, выбираясь наружу придерживая каску грязными перчатками. На его лбу поблескивал фонарик.

Катя от неожиданности чуть не споткнулась. Она быстро развернулась и пошла в другую сторону. Так как поблизости кроме Кати никого не было, сантехник крикнул ей вслед:

– Эй, девочка, ты не видела, кто крышку закрыл?!

Катя сделала вид, что ничего не слышит, и ускорила шаг, сменяя шаг на бег без оглядки. Так она добежала до перекрёстка. У самого края тротуара она заметила хрупкую старушку в тёплом пальто, застёгнутом до подбородка. Чувствовалось, что старушка нуждается в помощи. Катя моментально оценила ситуацию: «Вот оно! Вот где настоящее доброе дело!»

Она уверенно подошла к светофору, нажала кнопку и, не дожидаясь реакции, взяла старушку под руку.

– Не волнуйтесь, бабушка, я помогу вам перейти! Всё под контролем!

– Но я, в общем-то... – начала было бабушка, но Катя уже вела её через дорогу с видом грозного регулировщика и ангела-хранителя в одном лице.

Автомобили вежливо притормозили. Водители с уважением кивали. Один даже показал большой палец из-за руля. Катя шла прямо, крепко держа старушку под руку, с чувством собственной значимости.

– Не бойтесь, всё будет хорошо! – успокаивала она бабушку. – Пешеход всегда прав!

– Девочка, послушай... – пыталась вставить слово бабушка, чуть отпираясь. – Я, собственно, только за...

– Понимаю вас, – перебила её Катя. – Сама боюсь переходить. Но вы не одна. Мы вместе!

Они достигли противоположного берега дороги. Катя удовлетворённо отпустила руку бабушки и с достоинством расправила плечи.

– Не стоит благодарить. Каждый на моём месте поступил бы так же! Старушка, растерянная, с взлохмаченной причёской, попыталась развернуться:

– Но... моя тележка! Мои вещи... Остались... у остановки...

– Не переживайте! Всё в порядке! – бодро кивнула Катя, уже отходя. – Главное – вы в безопасности!

Но старушка зачем-то поковыляла обратно к светофору.

– Странные всё-таки эти старушечки, никогда не поймёшь, что у них на уме... – подумала Катя, важно шагая по

аллее и напевая под нос какую-то прилипучую мелодию.

Мир снова казался дружелюбным. Солнце выглянуло из-за облаков, одобрительно подмигнув за ее старания. И вдруг... У тротуара, дрожа от каждого звука, сидел крошечный песик. Аккуратный, как игрушка, с бантиком, съехавшим на бок. Он переминался с лапки на лапку и растерянно озирался по сторонам.

– Ах ты, потеряшечка! – с участием выдохнула Катя и присела рядом с песиком. – Бедная собачка, вся дрожишь... Ну ничего, сейчас мы всё устроим.

Она протянула руку, собачка ткнулась в неё тёплым носом, доверчиво глядя снизу вверх. Сердце Кати растаяло.

– У тебя, наверное, добрые хозяева. Ну не могли же тебя нарочно выбросить? – бормотала она. – Сейчас мы тебя спасём!

В этот момент из-за угла неспешно выплыл долговязый подросток лет шестнадцати. Белобрысый, в капюшоне, с наушниками на шее и скейтом в руках. Он остановился, уставился на пёсика и спросил:

– Это твоя собака?

Катя подняла на него глаза.

– Разве не видно? Она потерялась!

– Йорки не теряются, – уверенно сказал парень, – их либо крадут, либо продают.

– Ты хочешь сказать, она поддельная? – с подозрением спросила Катя.

– Не поддельная. А ценная. Это как айфон, только пушистый.

Катя фыркнула:

– Ну и что ты предлагаешь?

– Надо найти хозяина. Или отдать в хорошие руки. Или ты собираешься её домой тащить?

– У меня и так пёс, – пожала плечами Катя. – Хотя, может, он бы ей обрадовался...

– А у меня кошка. Так что к себе взять не смогу.

Он аккуратно поднял йорка на руки, будто рекламировал плюшевую подушку, и шагнул в сторону прохожих:

– Бесплатно, в хорошие руки! Пёс воспитан, молчит, не кусается!

Катя пошла рядом, не зная, смеяться ей или стесняться. Подросток останавливал прохожих, расхваливая собаку как бытовую технику:

– Лучший друг, не питает, не лает, носится быстро!

– Сколько стоит? – поинтересовалась дама с сумкой.

– Бесплатно! – с жаром ответил он.

Дама презрительно скривилась и пошла дальше. К ним подошёл мужчина в пальто, окинул пса взглядом с профессиональной придирчивостью.

– Кобель или сука?

Катя округлила глаза.

– Мальчик или девочка, – терпеливо пояснил мужчина.

Катя с подростком посмотрели друг на друга. Потом на

собаку. Потом снова на мужчину.

– Мы не знаем, – призналась Катя.

Мужчина сам взял пса на руки, и приподнял над головой:

– Кобель. Пожалуй беру!

Но в этот момент из-за угла, словно метеорит, вбежал маленький пузатый мужчина. Он был красный от бега:

– Бааксик! Вот ты где! Ах, негодник!

Йорк завилял хвостом и завертелся. Мужчина в пальто нахмурился:

– Опоздали гражданин. Я уже решил взять его себе!

– Возьмите кого хотите, я вам за Баксика... – отрезал упитанный мужчина.

Катя и подросток переглянулись. Мужчина повернулся к ним:

– Это что, розыгрыш? Вы сказали, собака бесплатная. А теперь появляется этот и цену набивает – Вы что одна шайка-лейка?

– Так гражданин, верните собаку, иначе я вызову полицию.

– Она без поводка была... – сказал подросток.

– Ну вы даёте, – пробормотал мужчина. – Хулиганье малолетнее. Вот из таких и вырастают аферисты...

Катя и белобрысый парень, как по команде, бросились в разные стороны. Катя уже собиралась свернуть к дому, когда вдруг остановилась, словно наткнувшись на не видимую преграду. Прямо перед ней – чуть поодаль, на фоне осенне-

го неба – возвышалось дерево – самое обычное на первый взгляд, если бы не один странный, поразительный штрих: на одной из веток болталась огромная связка воздушных шаров. Яркие, пёстрые, будто из детской сказки, они мерцали сквозь листву, покачиваясь на ветру, как забытый кем-то праздник. Катя замерла. Её глаза округлились.

– Ух ты... – выдохнула она.

Шарики звали её – не голосом, не жестом, а просто своим существованием. Это было приглашение в чудо. Она подошла ближе. Дерево показалось ей таким древним, могучим и хранившим в своих ветвях тайну, которую можно доверить только избранному. Катя на цыпочках приблизилась и подняла голову. Ветер гонял шарики из стороны в сторону. Они растерянно дрожали, ожидая кого-то ... Катя достала телефон, включила камеру и сделала пару снимков – это ведь определённо заслуживало документального подтверждения.

– Ну что, дерево, – сказала она почти торжественно. – Раз ты выбрало меня, не имею права подвести.

Она огляделась: никого. Ни одного ребёнка, ни продавца, ни уличного артиста. Шарики были бесхозны. А если собака может убежать от хозяина, то шарики – никогда. Их кто-то явно оставил. Но кто? И зачем? Катя не знала. Зато знала точно – это знак. От Феи? От Вселенной? От добрых дел? Неважно. Это – знак. Она подскочила на бордюр, взобралась на скамейку, потянулась вверх... и ухватила верёвочку! Связка послушно скользнула вниз. Катя вцепилась в неё

обеими руками. Облако шаров обвило её лицо, затрепетало на ветру. И вдруг она рассмеялась:

– Вот это да! Подарок! За старания!

В её руках оказалось целое созвездие счастья. Яркие, упругие, переливающиеся шары – синие, красные, жёлтые, зелёные. Они радостно били её по щеке, шуршали, танцевали, будто поздравляли с личной победой. Катя прижала их к груди и пошла по улице. И вдруг почувствовала себя кем-то совсем другим: не просто девочкой, не Жабиной Катей, а доброй волшебницей, которая несёт в мир не слова – а радость. Реальную, зримую, лёгкую, как эти воздушные шары.

– Это вам! – сказала она женщине с ребёнком, протягивая один из шаров.

Женщина растерянно улыбнулась:

– Мне?.. Спасибо!

Катя подбежала к девочке в красной куртке.

– Лови, малыш! – и вручила ещё один шар.

Девочка взвизгнула от восторга, а её мама засмеялась. Катя раздавала один за другим. Прохожие оборачивались, улыбались. Даже бабушки на лавочке – что минуту назад морщили лбы, теперь подходили и скромно спрашивали:

– А можно для внука? Один?

– Мне бы для внучки. – Ну, не жадничай, дай и мне один, я в подъезде прикреплю, пусть радуются.

Катя с сияющими глазами раздавала всем и каждому, чувствуя, как улица преобразается. Словно что-то невидимое

вдруг оттаяло. Мимо прошёл сердитый дедушка – посмотрел, усмехнулся, махнул рукой, даже он. И вдруг... Катя заметила, что в руке остался последний шарик. Она остановилась. Повернула голову – и увидела очень грустного парня. Он стоял в стороне, прислонившись к столбу, ссутулившись. Парень лет двадцати, в кепке, с потухшим взглядом. У него было лицо человека, которому мир надоел. Катя почувствовала это мгновенно, и сразу поняла: ему нужен шар.

– Это вам! – просто сказала она.

Он взял шар, замедленно, даже печально. Посмотрел на него. Потом на Катю. И вдруг произнёс дрожащим голосом:

– Это... мне?

– Конечно! – кивнула она. – Просто так. Для хорошего настроения!

Парень растерянно рассмеялся... но в этом смехе была не радость. Что-то в его лице изменилось, дрогнуло, затем сжалось, как от боли.

– Ты... вообще понимаешь, что ты сделала?

Катя нахмурилась.

– Что?

– Я доставку делал. Понимаешь? Я их привязал. Специально! Чтобы не таскать. Праздник для детского центра. Пятьдесят шаров! Я их оплатил! За них отчитываться надо... А ты...

Он замолчал, уставившись в один-единственный оставшийся шарик, который держал в руке. Катя побледнела. Сло-

ва, как осколки, осыпались внутри неё.

– Я... я не знала... Я просто... думала, что... – её голос затих.

Парень тяжело выдохнул:

– Я за них кредит взял... Понимаешь? Кредит!

Катя почувствовала, как в груди что-то сжалось до боли. Она сделала шаг назад. Потом ещё. Слезы сами покатились из глаз. Она прикрыла лицо ладонями. Всё накатило разом: обиды, провалы, насмешки, унижения – волной, которую уже невозможно было сдержать

– Я всё только порчу... – прошептала она. – Всё хотела исправить, сделать лучше... а оно всё... наоборот...

Парень растеряннo замер. Потом почесал затылок, и тихо сказал:

– Эй... ну не надо. Я... тоже погорячился. Ну подумаешь... шары... разберёмся.

Катя всхлипнула:

– Я просто хотела... чтобы все были счастливы... Хотела сделать доброе дело...

– Ты и сделала, – вдруг сказал он. – Просто... немного не туда прицелилась.

Катя стояла с опущенной головой. Парень помолчал, потом добавил:

– Всё будет хорошо. Серьёзно. Я справлюсь. А ты не сдавайся, ладно? Она кивнула, не глядя. Сделала шаг. Потом ещё.

Парень смотрел ей вслед, сжимая в руках один-единственный шар и тихо повторял:

– Всё будет хорошо...

Глава 12 Ошибка в системе

Катя шла, не разбирая дороги. Мир расплывался перед глазами, превращаясь в серую акварель. Каждый шаг отдавался в теле как удар. Всё внутри сжалось в комок – из-за ощущения, будто весь мир сговорился против неё. Как будто кто-то невидимый выстроил целый лабиринт ловушек и теперь наблюдает из-за стекла, сколько ещё она выдержит, прежде чем упадёт.

Фантазия, как назло, включилась – не спасая, а издеваясь. Вот она – лягушка в школьной юбке, прыгает по мокрому асфальту и волочит за собой гигантский самосвал: дурацкий, ржавый, с надписью «Ожидания» на боку. Мальчишки в чёрных капюшонах кидают в кузов булыжники: «А ну, покажи, насколько ты добрая!» – смеются они. Катя-лягушка хрипит, лапки дрожат, но тащит. Потому что должна. Потому что загадала желание и подписала контракт с... шкатулкой.

– Откуда на меня свалилась эта Фея-лягушка, – пробормотала она вслух, не замечая, как шевелятся губы. – Ещё и обещания какие-то... Добрые дела. А где волшебство? Где результат? Сама виновата. Сама.

День, который начинался как белый лист – с планами на добрые дела, с верой в прекрасное – рассыпался, словно скомканный лист, выброшенный в урну. И теперь, пока кто-то где-то пьёт какао и смотрит мультики, она – одна, несчаст-

ная, пустая, нелепая, никому не нужная... Катя остановилась и плюхнулась на ближайшую лавочку. Слезы вперемешку с обидой давили изнутри.

– Катя! – крикнул кто-то сбоку.

Она вздрогнула и обернулась. По тротуару, разрезая осенние лужи, катился Коля в своей коляске – с торчащей из-под куртки разноцветной нитки шарфа и шапкой, слегка сползшей на глаза. Он улыбался.

– Привет, – Катя попыталась натянуть улыбку. Получилось плохо.

Коля чуть наклонил голову, глядя внимательнее.

– Ты чего такая? Двойку получила? – пошутил он.

Катя махнула рукой:

– Лучше бы двойку.

– У тебя лицо, как у недоваренного пельменя, – заметил он, не теряя бодрости.

Катя ради приличия улыбнулась. Подвинулась на лавочке и обхватила свои колени. Коля в своей коляске стоял напротив.

– Хочешь поговорить? Или просто посидим помолчим?

Катя долго молчала. Потом кивнула. И вдруг – тихо, с хрипотцой:

– Я просто не понимаю... зачем я вообще живу?

Коля нахмурился.

– Что?

– У меня всё валится из рук. Всё. Что бы я не делала, все

рушится. Я стараюсь, правда... а результат все хуже... Иногда мне кажется, что мир без меня был бы лучше.

Она уткнулась взглядом в асфальт. Повисла пауза от которой утих ветер ...

– Ты серьёзно? – наконец произнёс Коля.

Катя кивнула, не поднимая головы.

– Люди живут и знают: что правильно, что – нет. А я – как будто бракованная. Стараюсь, стараюсь, а в итоге на меня смотрят как на... как на глупую. Или странную. Или опасную. Рыжую жабу... Может, я ошибка? Сбой в системе?

Коля выпрямился, крепко держась за подлокотники. Его лицо изменилось, голос стал резким, как разбитое стекло.

– А я, по-твоему глюк или сбой? Или ошибка природы?

Катя удивлённо подняла голову.

– У тебя есть папа и мама. Руки, ноги, собака, семья! А у меня? У меня? Ни школы, ни друзей. Одна мать, которая днём и ночью пашет в надежде что когда-нибудь сможет поставить меня на ноги ... Что еще? Ах, да – у меня есть эта классная штука на колёсах. Знаешь, как это? Когда день за днём одно и тоже...

Он дышал быстро, но продолжал:

– Думаешь, я не мечтаю? Сесть на велик, погонять с пацанами, упасть, стереть колени – и посмеяться. Или... Искушаться в море... Я видел море только в интернете. Я не хочу быть объектом жалости, я не хочу быть героем репортажа. Я хочу быть обычным парнем, как все. Понимаешь?

Катя хотела что-то сказать, но он поднял руку.

– Знаешь, что меня спасает?

Катя покачала головой.

– Меня спасает только компьютер. Игра. Только там никто не смотрят на коляску. Там я – кто хочу. Воин, маг, лётчик, капитан. А недавно, не поверишь, я даже стал победителем ... прошёл на самый высокий уровень в «АстралКод: Омега».

Катя чуть дернулась. Это название... Она слышала уже сегодня утром в школе. Совпадение? Коля не заметил её реакции и продолжил:

– Да, это сложная игра, как и сама жизнь. Но я иду вперёд, я сражаюсь, и я побеждаю! И тебе не советую раскисать... У меня поводов опустить руки гораздо больше чем у тебя, поверь ... Я уж тем более никому не нужен ...

Катя слушала его, затаив дыхание. В какой-то момент она поняла: его боль глубже, чем её. Но он находит в себе силы, смеётся и даже пытается помочь ей... И это – настоящее мужество.

– Ты не один, Коля. Ты маме своей нужен, ты мне нужен. Ты мой друг. Мой единственный друг. Он покраснел.

– Ты... тоже мне нужна. Очень.

Катя встала, стряхнув с куртки листву.

– Пойдём. Провожу тебя домой. Только сначала – сыграем в «Города»?

Коля рассмеялся:

– Только не прикалывайся, если я назову столицу какой-нибудь Планеты Кукурузии!

Катя засмеялась:

– Согласна. Главное – не проигрывать всерьёз.

Она взялась за ручки его коляски. Они покатали вдоль двора, между луж и качелей. Наверху, среди тяжёлых осенних туч, на секунду мелькнул луч света, как будто кто-то, очень добрый, всё это время наблюдал...и одобрительно кивнул. Проводив Колю, Катя устало поднялась по ступенькам. День вымотал её до последней капли терпения. Эта девочка в оранжевом свитере казалась теперь выжатой, пустой, уставшей, с сердцем, которое немного перестало верить в чудеса. В коридоре её встретил Транс. Он радостно залаял, отплясывая всеми четырьмя лапами, и в прыжке попытался лизнуть Катю в нос.

– Я тоже рада тебя видеть, пёсель, – пробормотала она, потрепав его по мохнатому боку.

Ее нос учуял нежный, почти небесный аромат. Катя зашла на кухню и замерла. На столе, как на пьедестале, возвышался румяный пирог с картошкой.

– Антистресс, – она вдохнула аромат пирога. – Идеальный! Горячий! С углеводами!

Отломив пирог, она присела к окну. Первый кусочек растопил всю накопленную за день обиду, второй наполнил теплом, третий – счастьем, четвёртый... Но Катя остановилась на трёх: чувство меры – важная черта ее характера. «Теперь,

пожалуй, можно и за уроки», – подумала она, старательно облизнув крошки с ладоней. Устроившись за письменным столом, она разложила тетради, раскрыла учебник... Но текст вдруг начал плясать, буквы то вытягивались в тонкие струны, то собирались в неприличные рожицы. Ручка начала проваливаться сквозь бумагу, как в горячее суфле. Даже тиканье часов превратилось в мурчание невидимого кота.

«Одну задачку решу – и спать. Остальное доделаю потом...», – Катя не заметила, как вместо задачи её голова мягко опустилась на подушку... Она очутилась на залитой солнцем поляне. Огромные цветы склонялись к ней с благоговением – розы, нарциссы, орхидеи. Они шептали её имя и пели гимн в её честь. Где-то в небе сверкали радуги, бабочки летали строго в форме сердечек, и даже облака восторженно аплодировали. Катя поёжилась от смущения. И тут, с глупым «бульк», прямо на кувшинке, возникла она – та самая лягушка: в миниатюрной короне, с сияющей палочкой в лапках. Катя только собралась сказать что-то язвительное, как лягушка закружилась, взметнулась вверх и... превратилась в рыжеволосую фею, одетую как настоящая сказочная принцесса.

– Катерина! – торжественно провозгласила она. – Поздравляю тебя!

– С чем? – подозрительно прищурилась Катя.

– Ты сделала столько добрых дел, что твоя шкатулка переполнена самоцветами!

Рядом материализовалась шкатулка – сияя рекламной вывеской ювелирного салона. Внутри искрились рубины, сапфиры, изумруды. Катя ахнула.

– Значит... всё-таки я что-то сделала правильно?

– Более чем! – подтвердила фея. – А теперь...

Она взмахнула палочкой над Катиной головой. С неба посыпались блёстки, воздух заиграл музыкой.

– Сейчас ты станешь самой красивой девочкой на свете! – объявила фея. – Твои фотографии будут украшать глянцевые журналы, Подшибякин с Верёвкиной будут рвать на себе волосы и умолять о прощении за все издевательства. А ты даже не посмотришь в их сторону! Девчонки умрут от зависти...

Катя прикрыла глаза, довольная, будто уже позировала для обложки модного журнала.

– Да будет так! – произнесла она величественно.

Но вместо фанфар – пауза. Фея вдруг побледнела.

– О, нет...

– Что – «нет»?! – встревожилась Катя. – Что случилось?!

– Волшебство не срабатывает... Ты не можешь перейти на новый уровень.

Катя обмерла.

– Почему?!

– Ты не сделала одну очень важную вещь.... Очень важную.

– Какую? Почти кричала Катя

Фея виновато повела плечами:

– Ты оставила в раковине грязную посуду...

– Какую ещё посуду?! – закричала Катя.

И тут декорации исчезли. Она очутилась на кухне. Всё было как в реальности, только бабушка – ослепительно красивая, в вечернем платье, с короной, и украшениями, ... а поверх платья, был надет знакомый, проверенный временем фартук...

– Что ж, внученька, я справилась первой, – сказала бабушка с лёгкой насмешкой в голосе.

Катя почувствовала, как по сердцу прошёлся холодок.

– Зачем ты это сделала?! Теперь я никогда не перейду на новый уровень!

Фея строго подняла палец.

– Добрые дела нужно делать вовремя. Вот твоя бабушка всегда всё делает вовремя. Даже твои дела – делает лучше тебя.

– Несправедливо! – закричала Катя.

– Катюша, ты чего кричишь?

Катя открыла глаза. Над ней стояла бабушка: обычная, живая, без платья, без короны, только в любимом фартуке и с тёплым взглядом.

– Я... я сейчас помою посуду, – пробормотала Катя.

– Спи, внученька, – улыбнулась бабушка. – Всё уже вымыто.

Она вышла, а Катя всё ещё слышала эхо восторженных

возгласов, вспышек фотоаппаратов, полевых цветов, блестящих платьев и волшебных обещаний. Где-то в глубине шкафа чуть посветлела крышка шкатулки. Катя прищурилась. На ней, едва заметно, проступили слова: «Вовремя – значит правильно». Катя улыбнулась во сне. И почувствовала, что готова начать всё заново – не ради камушков. А ради того, чтобы...

Глава 13 Сбой дисциплинарного баланса

Стоило Кате переступить порог школы, как перед ней, словно из воздуха, материализовалась Мальвина Барбарисовна – директриса с неподвижно залакированной причёской и взглядом, похожим на камеру ночного слежения. От этого взгляда хотелось раствориться в воздухе, стать молекулой и ускользнуть в вентиляцию или хотя бы незаметно скрыться в ближайшем шкафчике с потерянными вещами.

– Жабина. Немедленно ко мне в кабинет, – холодным тоном, без лишних эмоций отчеканила она.

Каждое слово звучало как удар колокола – вернее, удар колоколом по нервной системе. Катя почувствовала себя не ученицей, а воришкой, пойманной врасплох. Всё внутри сжалось. О, ужас, может, это из-за того сочинения, где она позволила себе некоторые вольности. Или она узнала про шкатулку? Или...

Под тяжёлым, почти осязаемым взглядом Мальвины Барбарисовны, Катя поплелась в сторону кабинета директора. Надо держаться. «Главное – не показывать страх», – уговаривала себя Катя, но её ноги шагали с предательской осторожностью. «Может, из-за вчерашнего?.. А вдруг она что-то пронюхала про фею?!» – в голове Кати бушевал насто-

ящий тайфун версий, подозрений и катастрофических прогнозов. Где-то в глубине сознания, в зале ожидания обречённых мыслей, заиграла трагическая вокальная партия: «Прощай, детка... прощай...»

Дверь кабинета захлопнулась с такой торжественной неизбежностью, как люк на подводной лодке перед погружением. Мальвина Барбарисовна нависла над Катей, словно следователь с многолетним стажем и особым чутьём.

– Жабина. Признавайся, – прошипела она, скрестив руки, будто ей все давно известно и не хватает всего лишь маленького подтверждения.

Катя моргнула. Потом ещё раз – рефлекторно, пытаясь хоть как-то перезагрузить систему.

– В чём... признаваться? – неуверенно уточнила она.

– Сама знаешь, – голос директрисы напоминал бормотание кипящего чайника, в котором закипали доказательства и улики.

– Я... не очень понимаю, о чём Вы, – Катя пожала плечами, но плечи её выдали: одно дёрнулось вверх, другое – вниз. Явный признак, что тело рефлекторно пыталось сбежать...

– Кто тебя зелёнкой облил? – прищурилась Мальвина.

– Когда? – искренне удивилась Катя, будто речь шла о событиях времён императора Нерона.

– Вчера! – с напором сказала директриса, словно о вчерашнем знали даже в министерстве образования.

– Меня?.. Зелёнкой?.. – переспросила Катя с выражени-

ем такого искреннего и непревзойдённого изумления, что её следовало немедленно выдвинуть на театральную премию и без экзаменов принять на главную роль в Театр юного зрителя. – Мальвина Барбарисовна, вы что-то путаете...

Но Барбарисовна не оценила талант Кати и ткнула острым когтем по экрану своего телефона. На снимке – Катя, образцово заляпанная зелёной субстанцией, со взглядом, полным отчаяния.

– Это Подшибякин? – с ледяным спокойствием уточнила Мальвина Барбарисовна, вновь постучав ногтем по экрану.

Катя вгляделась.

– Не... это точно не он, – сказала она после весомой паузы, будто серьёзно сравнивала фотографии в базе данных Интерпола.

– Ты издеваешься, Жабина? – у Мальвины Барбарисовны даже висок задергался. – Я тебя спрашиваю: это Подшибякин тебя так разукрасил?!

Катя пожала плечами.

– Думаю, он бы использовал маркеры. Ему ближе концептуальное искусство.

Директриса трагически воздала очи к потолку, как будто зывала к духам предков учителей, а потом наклонилась над Катей с таким видом, будто собиралась вручить ей приговор.

– Мне от тебя нужно только одно, – с нажимом повторила Мальвина Барбарисовна, склоняясь над Катей. – Объяснительная: подробная, кто, когда, зачем, почему. Ты же неглу-

пая девочка... У нас школа – образцово-показательная. А недавно... И она наклонилась совсем близко к Катиному уху и почти шёпотом произнесла:

– В нашей школе творится что-то непонятное... Даже оттуда... – и она ткнула острым когтем куда-то вверх. – ...интересуются.

– Откуда «оттуда»? – удивилась Катя.

– Вот и я тоже хотела бы это знать. Пока что надо выявить всех, кто слишком... А ты прикрываешь...

«А может, и правда выложить всё на чистоту... Про этого Подшибякина, про его шуточки и «творческий подход» к краскам жизни... Ещё и приукрасить немного, чтобы уж точно взяли на заметку или вообще выперли из школы», – мечтательно размышляла Катя, следя за метающейся туда-сюда Мальвиной Барбарисовной. «А может, она и права? Может, именно я – последняя надежда на восстановление дисциплинарного баланса... Если не я, то кто?»

Но тут послышался едва уловимый скрип. Дверь кабинета чуть приоткрылась, словно от чьего-то неосторожного любопытства. Катя прищурилась. А вдруг – Подшибякин? У неё не было ни единого доказательства, но сердце выдало тревожный сигнал. Ей резко перехотелось писать объяснительную на Подшибякина. Доносы вообще имеют неприятное свойство возвращаться бумерангом. С этим Подшибякиным – точно. Тем более она вспомнила его устрашающее выражение лица в окошке школы, когда она беседовала с Маль-

виной Барбарисовной.

– Можно я пойду? Урок скоро начнётся. Я... я не хочу опаздывать, – произнесла она с невинной убедительностью ученицы, стремящейся к знаниям.

– Подумай, Жабина! Я тебе не враг! – бросила вслед директриса, но Катя уже выскользнула из кабинета.

Она вбежала в класс, удивляясь, что никто не подставил ей подножку, не метнул мокрую тряпку, не подал издевательской реплики. Было подозрительно спокойно. Катя плюхнулась за парту – и в ту же секунду под ней что-то предательски хрустнуло. Послышался скрипучий голос, как ржавый гвоздь, возимый по стеклянной поверхности:

– Жаба – стукачка.

Это был Злобин, верный оруженосец Подшибякина. Катя инстинктивно нащупала под собой яичную скорлупу – и почувствовала, как пальцы погружаются в липкую и холодную жижу. Внутри всё закипело. Без раздумий она схватила остатки «подношения» и с хлёсткой точностью метнула их в лицо Злобину. Попала! Злобин от неожиданности застыл. Потом его лицо стало стремительно багроветь, набухая обидой, злобой и публичным унижением. Он начал медленно подниматься, подобно грузовому подъёмнику из шахты.

Катя почувствовала, что её порыв исчерпал запасы героизма, а вот гнев Злобина, похоже, только что достиг его центра принятия решений... Класс вначале замер, потом оживлённо загудел. Кто-то постукивал кулаком по парте в пред-

вкушении гладиаторского сражения. Ещё чуть-чуть – и на задней парте начнут принимать ставки. Но тут, как удар гонга на ринге или спасательный круг, брошенный в самый нужный момент, в класс вошла учительница: быстро, жёстко и с невидимой сиреной над головой.

– Что здесь происходит?! – её голос звучал скальпелем, разрезающим атмосферу напряжения. – Почему у Злобина на лице оmlет, а Жабина в позе боевого гладиатора?

Злобин, вытирая лицо рукавом, взревел:

– Это она! Жаба! Ни с того ни с сего метнула в меня яйцом! Она психическая! Таких надо изолировать от нормальных людей...

– А кто это яйцо мне подложил?! – Катя вскочила, словно пружина. – Оно что, там само появилось?! – и она повернулась к учительнице стороной испачканного платья.

– Так, тихо! – рявкнула учительница. – Вы хотите, чтобы меня уволили? Для кулинарных поединков отправляйтесь на технологию. А здесь – кабинет литературы.

Класс зашептался. Кто-то тихо хихикнул.

– Сейчас же замолчите, – скомандовала она и окинула взглядом боевое поле. – Вот дойдёт инцидент до Мальвины Барбарисовны...

И она многозначительно посмотрела в сторону двери. Катя побледнела. Не хотелось второй заход в кабинет правосудия. И вдруг, как-то неожиданно, тишину нарушил голос – неуверенный, но громкий:

– Простите... Это я.

Класс замер. Даже скрип авторучек приостановился. Говорил Никита Кожемякин. Он медленно встал из-за парты, не поднимая глаз:

– Я... подложил яйцо. В смысле – на стул Кате. Это была... шутка. Дурацкая. Я не думал, что всё так обернётся. Я... просто хотел...

Он замолчал. В классе повисла пауза, плотная, как варёный белок. Катя уставилась на него. Она не верила. Он? Тихий Никита? Зачем ему?... Учительница посмотрела на него с изумлением:

– Подложил... по доброй воле?

Саша кивнул.

– Почему?

Он пожал плечами.

– Чтобы отвлечь от... – он запнулся. – ...от другого.

Учительница покачала головой, пытаясь просеять происходящее сквозь сито логики.

– Ладно, рыцарь чести... С тобой позже разберёмся. Жабина – умыться. Злобин – пойдёшь после неё.

Катя была в ступоре. Внутри у неё одновременно бурлили злость, растерянность, неожиданность и что-то ещё... странное. Она бросила взгляд на Никиту. Станные эти мальчишки, всё-таки...

Глава 14 Особый режим наблюдения

– Внимание, – произнесла ЛилиВанна, постучав ручкой по краю стола. – У меня, важное объявление.

Класс, не успевший отойти от сцены с яйцом и публичным признанием, немного притих.

– Наша школа, и в частности – наш класс, будет участвовать в городской олимпиаде по баскетболу. Вы наверняка знаете, что победа всегда на стороне сплочённой команды.

Класс загудел – кто-то обернулся, кто-то зашептался. И вдруг раздался голос Верёвкиной.

– У меня вопрос, – она подняла свою длинную руку с безупречным маникюром.

– Какой у тебя вопрос, Ксения? – терпеливо уточнила ЛилиВанна.

Ксения встала, обвела класс томным взглядом, поправила волосы и заговорила с выражением, пресс-секретаря важного босса. Собирающегося сделать заявление для прессы:

– Мы... против того, чтобы Жабина играла в команде нашего класса.

Наступила тишина.

– Почему? – опешила учительница.

Верёвкина сделала паузу, театрально выдохнула и с иро-

нией произнесла:

– У Жабиной... плохая карма.

Катя вздрогнула. Будто в неё запустили чем-то липким.

– Что значит «плохая карма»? – переспросила учительница, надеясь, что ослышалась.

– Ну... – Ксения чуть наклонила голову, сделав вид, что ей трудно объяснить столь тонкие понятия. – Это когда человек приносит одни проблемы. Посмотрите сами: пока Жабиной не было – всё было спокойно. Как она пришла в наш класс, в нашу школу – сразу потоп, срыв занятий, какие-то происшествия... А если она будет в команде класса – сто процентов, мы проиграем. Правда, ребята?

Класс ответил ей гулом растревоженного улья. Смех, перешептывания. Всё это слилось в грубый, близкий шум. Катя сидела, не двигаясь. Она чувствовала себя дрейфующей на дырявой шлюпке в открытом море, окружённая злыми акулами. Даже Никита Кожемякин больше не смотрел в её сторону. И тут... дверь распахнулась. В класс влетела Мальвина Барбарисовна.

– Тишина! – скомандовала она голосом, которым могла бы остановить поезд.

Класс затих. Директриса оглядела притихших учеников, затем перевела взгляд на ЛилиВанну.

– Что здесь происходит?

В её голосе чувствовалось давление, и складывалось впечатление, что она ждала за дверью удобного момента, чтобы

поймать какого-нибудь тайного агента для отчёта по выявлению шпионов.

– Ничего особенного, – быстро ответила ЛилиВанна, виновато улыбаясь. – Делаем синтаксический разбор существительного.

– И каков вывод? – уточнила Мальвина Барбарисовна, переводя взгляд на класс.

– ...Карма, – многозначительно проговорила Верёвкина.

– Что ещё за карма? – нахмурилась директриса и подозрительно прищурилась, будто только сейчас осознала масштаб бедствия.

– Признак предмета, – пояснила Верёвкина, – в рамках синтаксического разбора слова.

– Лилия Ивановна, зайдите ко мне после занятий.

С этими словами директриса направилась к выходу, но, сделав шаг, нечаянно наступила на швабру, оставленную у двери. Швабра подпрыгнула, описала дугу и лишь чудом не угодила ей по лбу. Класс сосредоточенно напрягся и затал дыхание, но Мальвина Барбарисовна даже не моргнула. Она сделала вид, что ничего не произошло, только поправила край пиджака и удалилась, хлопнув дверью так, что из мела на доске образовалось пыльное облачко.

Школьный день подходил к концу. Коридоры, недавно гудевшие голосами, постепенно стихли. ЛилиВанна шла по коридору в сторону кабинета директора, испытывая растущее беспокойство, с каким идут на допрос. Слова Мальвины Бар-

барисовны, брошенные в классе холодным голосом: «Зайдите ко мне после занятий» – не давали покоя весь урок. Хотя формально всё выглядело спокойно: обычный урок, обычный конфликт, пара слов про карму и один летающий омлет, что-то в тоне Мальвины Барбарисовны было... не то. ЛилиВанна постучала и, услышав сухое «входите», вошла. Директриса сидела за своим столом, похожая на судью в телевизионной постановке: спина прямая, руки сложены в замок, рядом – стопка аккуратных папок.

– Присаживайтесь, Лилия Ивановна, – произнесла она, не поднимая глаз.

ЛилиВанна послушно села.

– Я не буду ходить вокруг да около, – продолжила Мальвина Барбарисовна, наконец взглянув на неё прямо, её взгляд был холодным. – Сверху поступило распоряжение.

Она сделала паузу. В кабинете повисла тишина, нарушаемая еле слышным тиканием старых настенных часов.

– Откуда именно – неважно. Но нам поручено внимательно наблюдать за детьми.

– В каком смысле наблюдать? – переспросила ЛилиВанна, чувствуя, как по позвоночнику пробежала холодная струйка беспокойства.

– В самом прямом. Фиксировать любые неординарные ситуации: поведение, отклоняющееся от нормы, необъяснимые события, изменения в психоэмоциональном фоне класса.

– Вы хотите сказать, что... – ЛилиВанна замялась, – что-то происходит?

Мальвина Барбарисовна не ответила сразу. Она встала и подошла к окну. За стеклом школа медленно погружалась в вечернее безмолвие.

– Пока мы не знаем. Но те, кто там... и она подняла указанный палец, – считают, что признаки уже есть: несовпадения, вспышки активности, странные отклонения в поведении и... не всегда логичные цепочки событий.

Она повернулась к ЛилиВанне и, понизив голос, добавила:

– И это касается не только вашей параллели.

– А кто всё это... координирует? – осторожно спросила ЛилиВанна.

– Я ничего не могу вам сказать, кроме одного: у нас сейчас особый режим наблюдения. Официально – профилактика эмоционального выгорания. Неофициально – фиксация нестандартных случаев.

Директриса подошла к столу, достала тонкую папку без опознавательных знаков и аккуратно передала её ЛилиВанне.

– Здесь список параметров. Заполняйте, если заметите что-то... странное. Особенно следите за Жабиной.

– За Катей?.. – удивилась ЛилиВанна. – Она, конечно, девочка с фантазией, но...

– Именно! Фантазия слишком активна. Аномалии чаще

всего маскируются под детскую игру. И, поверьте, не всё, что кажется нелепым, на самом деле нелепо.

ЛилиВанна вышла из кабинета с папкой в руках и тревожным осадком на душе.

Глава 15 Эксперимент щедрости

Школа опустела, но тень тревоги осталась стоять в коридоре, словно кто-то невидимый продолжал наблюдение. Настроение Кати было крайней степенью полнейшей безнадежности. Неприятности, казалось, обрушивались на неё с космической хаотичностью – внезапно, без повода, без предупреждения, как шторм на корабль, у которого нет ни парусов, ни капитана. Почему всегда она? Почему именно ей достаётся роль виноватой, даже когда она ничего не сделала?

Всё шло не так. Хотелось убежать, раствориться или просто спрятаться... И тут Катя вспомнила про шкатулку. Вспомнила о ней как о чём-то далёком и, возможно, даже ненастоящем. Хмуро взглянув в сторону шкафа, Катя почувствовала, что ей так хочется, чтобы волшебство было не выдумкой, не фантазией. Она подошла к шкафу, который выглядел одиноким странником, хранившим в глубине души, свои тайны. Катя медленно открыла дверцу – и вошла внутрь. Здесь было темно, тихо. Пахло сухой лавандой, тканью и, кажется, немного старой древесиной. Пространство внутри шкафа казалось больше, чем снаружи – не в сантиметрах, а в ощущении безопасности. Это был не просто шкаф. Это было место силы, её личное убежище.

Снаружи был мир, в котором её выставляли виноватой, чужой, ненужной. Здесь же была тишина. Никто не кричал,

не тыкал пальцем. Тихо щёлкнув, она включила фонарик. Шкатулка лежала в глубине. Катя взяла её в руки. Казалось, она была тяжелее, чем обычно. Возможно, действительно в ней что-то изменилось. Катя осторожно приоткрыла шкатулку. И вдруг – вспышка света. Яркие сверкающие огоньки вырвались наружу и разлетелись по сторонам, отбрасывая фантастические блики. Они переливались, кружились, будто танцевали в невесомости. Катя зажмурилась, а потом медленно прищурилась, стараясь понять, что происходит. Внутри что-то сияло – тепло, мягко, нереально. На дне шкатулки лежали два кристалла. Они мерцали, будто живые – как звёзды, упавшие с небосвода.

«Вот это да-а...» – прошептала Катя, затаив дыхание, словно боялась спугнуть волшебство. – «Это правда. Всё это – правда...» – восторженно шептала Катя. – «Интересно... за что?.. И почему всего два? Я же сделала гораздо больше добрых дел!»

Молчание внутри шкатулки длилось мгновение. А потом... она забулькала. Сначала тихо, потом громче, с искрами и электрическим потрескиванием. На внутренней стороне крышки вспыхнул свет – как на экране маленького планшета. Появилась Фея. Она выглядела блестяще. Волосы украшены нежными светящимися цветами, а платье переливалось разноцветными огоньками, сшитыми из радуги и капель утренней росы.

– Ты?! – восторженно ахнула Катя, едва не уронив шка-

тулку.

Фея улыбнулась:

– Во избежание конфликта и претензий к исполнителю договора, все документальные материалы будут храниться в моей памяти до полной реализации волшебства!

Катя только и успевала хлопать глазами.

– А сейчас, – объявила Фея, взмахнув палочкой, – демонстрация зачтённых действий.

На экране шкатулки появились картинки. Вот Катя на остановке, в руке она держит пустую пластиковую бутылку. Секунду поколебавшись, она шагает к ближайшему баку и аккуратно выбрасывает бутылку в нужный отсек – пластик. Катя удивлённо подняла брови.

– Ты что, серьёзно?... – пробормотала она.

Фея, не моргнув, кивнула:

– Да-да, это твоё первое зачтённое доброе дело: экологическая сознательность, высший уровень. Ты даже выбрала правильный контейнер. Удивительно, между прочим.

Катя недоверчиво фыркнула:

– Это вообще случайно произошло. Вот уж никогда бы не подумала, что мусорка имеет отношение к чему-то доброму...

– Это не «мусорка», а отдельный сбор отходов, – поправила Фея, закатив глаза. – В некоторых мирах за это выдают рыцарский титул и доступ к дополнительной энергии.

Катя прикусила губу, смущённо глядя в сторону.

– А второе? – шепнула она.

Фея грациозно щёлкнула пальцами, и на экране возник новый эпизод. Катя в трамвае – грустная, усталая, с тяжёлым рюкзаком. Перед ней – пожилая женщина с сумкой и тростью. Катя встала, не дожидаясь просьбы, и молча уступила место.

– Вот! – Фея удовлетворённо хлопнула в ладоши. – Это было очень красиво: без пафоса, без ожидания благодарности, искренне.

Катя с удивлением посмотрела на экран: «Не помню такого... Скорее всего, просто вышла на своей остановке... Приятное совпадение», – но вслух ничего не сказала. Оказывается, кто-то видел. Кто-то счёл это значимым.

– Но... – Катя нахмурилась, – а как же всё остальное? Бабушка, собака, шарики?

Фея поджала губы:

– Добро, совершаемое с прицелом на вознаграждение, имеет иную формулу энергетической отдачи. Особенно если вовремя действия в голове звучит фраза: «Ну всё, сейчас точно плюс десять кристаллов!»

Катя покраснела.

– Но я же старалась...

– Я вижу, – мягко сказала Фея. – Поэтому кристаллы уже появились. А дальше – всё зависит от тебя.

– Добрые дела – это то, что ты делаешь для других, но награда появляется у тебя... Извини, но у меня лимит по

времени. Мне пора. Желаю удачи!

Катя хотела что-то сказать – что-то умное, важное – но экран начал тускнеть, и Фея исчезла так же неожиданно, как и появилась. Шкатулка снова стала тихой и обычной, только внутри продолжали мерцать два маленьких кристалла, отбрасывая волшебные блики на тёмные стенки шкафа.

– Совершенно непредсказуемая особа, – пробормотала Катя.

Но спорить с Феей – дело заведомо проигрышное, а тем более с той, что уже... улетучилась. Но теперь она поняла важную вещь: во-первых, штука работает, а во-вторых... Снаружи послышался лёгкий скрип половиц. Кто-то прошёл мимо шкафа... и вдруг – щёлкнула ручка, дверца резко распахнулась, впустив в уютный полумрак холодное дневное освещение. Катя зажмурилась. На пороге стояла бабушка.

– Катерина! – строго сказала она, подозрительно вглядываясь внутрь. – Ты зачем в шкафу сидишь?

Катя спрятала шкатулку за спину.

– Это... эксперимент! – бойко выдала она. – Нам в школе задали – провести тест в полной темноте. Это такое... задание!

– Задание, говоришь? – переспросила бабушка, опираясь на дверцу и вглядываясь внутрь шкафа. – С телефоном, да?

– С помощью телефона... фиксируются показатели, – не моргнув соврала Катя.

– Давай сюда телефон. Отец проверит, когда вернётся с

работы.

Катя молча протянула бабушке свой гаджет. В этом жесте было что-то обречённое, белый флаг, поднятый над крепостью. Бабушка взглянула на внучку тяжело вздохнула и, покачивая головой:

– Вот ведь правильно говорят по телевизору: нельзя больше двух часов в день торчать в этом чёртовом телефоне. Ещё утверждают, что от него развивается зависимость. У тебя все признаки налицо – с утра до вечера в телефоне, даже в шкафу с ним сидишь.

С этими словами бабушка направилась к телевизору – там уже начиналась её любимая мыльная опера, кажется, двести двадцать пятая серия...

– Но у меня там все задания... – жалобно прошептала Катя.

Соппротивление было бесполезно – от слова «совсем». Бабушка терпеть не могла, когда её отвлекали от священного ритуала: просмотра ее любимого сериала или от сосредоточенной заботы о хлорофилловой рассаде. Катя вылезла из шкафа, чувствуя, как деревянные створки неохотно отпускают её обратно в мир суеты и равнодушия. Взгляд скользнул по полкам, плотно забитым одеждой: футболки, пижамы, свитера – всё это мирно пылилось, давно забытое и явно избыточное.

– Интересно... зачем человеку столько вещей? Половину из них никто и не носит, хранит, но для чего? – пробормо-

тала она вслух, больше для себя, чем для кого-то.

И вдруг её осенило. Озарение пришло, как вспышка молнии, и сразу всё стало ясно: пора менять свою жизнь, отказаться от старого, освободить место для нового. Надо избавиться от хлама, очистить пространство для чего-то значимого. Кате так понравилась эта идея, что... она тут же начала вытаскивать из шкафа всё, что казалось ей лишним и ненужным. Её движения были быстрыми.

– Эта юбка мала... Эта – слишком длинная... Платье с дурацкой расцветкой – ну никогда же его не надену, – бормотала Катя себе под нос, транслируя внутреннее заседание строгой комиссии по эстетике.

– Два свитера – зачем два? Непонятно. Жилетка, шапки... А это что? Бабушкины кофточки... Она их всё равно не носит и никогда сама не выкинет. Старики, на удивление, вообще любят всё старое.

Гора одежды на полу росла, как снежный сугроб на утреннем морозе. Это была не просто куча – это был символ: застоя, вещей, которые копятяся, пылятся и ничего не значат. Катя знала: «В ближайшие сорок минут, бабушка будет под властью телевизионных эмоций и вряд ли заметит даже землетрясение, поэтому действовать надо предельно быстро. Потом сама мне спасибо скажет». Она вспомнила про мамин шкаф: «Там тоже уйма ненужного, пылящегося на вешалках барахла. Ей тоже надо помочь – освободиться от тяжёлой ноши и чрезмерного загромождения».

Быстрая ревизия – и вот уже вторая партия невестребованного шмотья отправилась на пол. Две старые спортивные сумки оказались наполненными доверху. «Бремя бескорыстия» – вот как это называется. Ухватив их за ручки и с трудом оторвав тяжёлую поклажу от пола, Катя подошла к двери. Транс посмотрел на неё с такой щенячьей преданностью, что в этом взгляде было всё: восторг, удивление и даже простое собачье восхищение. Катя кивнула ему, как героиня на старте чудесного подвига, и шагнула за дверь. Осенняя свежесть пробиралась под свитер, будто пытаясь отговорить, остановить, завернуть обратно. Но Катя шла вперёд – с сумками в обеих руках и непоколебимой решимостью бескорыстия. Несгибаемая воля, детская, но уже взрослая самоуверенность и какое-то внутреннее жадное стремление делать добро толкали её к свершению пусть маленького, но подлинно героического поступка.

Она шагала бодро, почти торжественно, чувствуя себя миссионером с высоким поручением. Наполненная энтузиазмом, Катя направилась к старой церкви – там, во дворе, стояла большая деревянная коробка с надписью: «Для нуждающихся». Проходя мимо, она не раз смотрела на неё с особым трепетом, как на алтарь незаметного, но настоящего добра. Это было чистое, светлое бескорыстие, почти без оглядки. Почти – потому что в голове время от времени вспыхивали назойливые огоньки: «А ведь за такой поступок шкатулка точно наградит тебя! Пара кристаллов – точно!»

Катя резко мотнула головой, отгоняя назойливую муху, вернее назойливые мысли.

– Нет! – шепнула она себе. – Только по-настоящему. Только по-честному.

Благородство её души, солнечным лучом в осенней дымке, легко разметало в стороны меркантильные размышления. Как хорошо быть доброй... просто так. Едва она подошла к повороту, как на её пути появились две странные девчушки с одинаковыми чёрными косами, в слишком лёгкой одежде и с озорными взглядами. Казалось, что они вышли не из переулка, а из какого-то другого времени.

– Привет, девочка! Не тяжело тебе такие сумки нести?

Катя остановилась. Сумки чуть качнулись в её руках.

– А что, хотите помочь? – с подозрением спросила Катя, крепче сжимая ручки сумок.

– Можем и помочь! – весело ответила одна из них и, повернувшись куда-то в сторону, громко крикнула:

– Хэй, гитаны!

И тут началось. Как будто из воздуха, из подворотен, с лавочек и даже из-за забора – откуда-то посыпались дети. Весёлые, чумазые, шумные, они враз окружили Катю, как муравьи – банку варенья.

– Рыжая, а чего у тебя в сумках? – спросил самый смелый из них, мальчишка с косматой головой и чумазой физиономией.

Катя на секунду задумалась – и вдруг ощутила: да ведь это

даже лучше, чем та коробка у церкви! Здесь живые люди, дети, мамы...

– Это всё вам! – с воодушевлением объявила она. – Тут тёплая одежда, платья для девочек... и кофточки для мам! Всё чистое, почти новое.

– А нам не надо, – безразлично буркнул мальчишка, почесав нос. – Нам и так хорошо.

На секунду повисло молчание. Но тут из-за спины детей шагнула молодая женщина. Лицо у неё было строгое, с усталостью, которую не смоешь водой, но глаза были ясные. Она подошла и посмотрела на мальчишку так, что тот отошёл на задний план.

– Заткнись, умник, – сказала она тихо, но так, что воздух чуть похолодел, – тебе не надо, а мне надо.

Она обернулась к Кате и сдержанно кивнула, как взрослый – взрослому, без лишних слов. Катя растерялась, но быстро собралась – не привыкла, чтобы с ней так разговаривали по-взрослому. В этом кивке было столько признательности и достоинства, что захотелось выпрямить спину.

– Берите, – серьёзно сказала Катя, опуская сумки на землю. – Тут много хорошего. Я выбирала.

Дети сразу столпились вокруг и с любопытством стали рассматривать содержимое сумок. Они перебирали и разглядывали вещи, будто те обладали какой-то скрытой ценностью. Маленькая девочка в лиловых колготках вытащила свитер с мишкой и ахнула, будто нашла сокровище. Кто-то

примерял на голову бабушкину шапку, кто-то держал платье на вытянутых руках, как знамя. Молодая женщина молча взяла кофту, провела по ткани пальцем – с благодарной бережностью – и только тихо сказала:

– Спасибо, Катя.

Никто не называл её по имени. Ни разу. И всё же она не удивилась. Как будто здесь все знали, кто она.

– Пожалуйста, – кивнула Катя и вдруг почувствовала внутреннее одобрение: «Молодец, Катя, ты всё сделала правильно».

Она взглянула на небо – высокое, осеннее, с тонкими полосками света между облаками. Было холодно, но почему-то невероятно тепло внутри. Женщина взяла сумки.

– Спасибо тебе, хорошая девочка, – тихо сказала она, сдержанно, почти шёпотом, но эти слова были больше, чем просто благодарность.

Катя смущённо улыбнулась, едва заметно – как умеют улыбаться только те, кто не привык к похвале. И вдруг, словно из воздуха, рядом появилась ещё одна девочка – почти её ровесница. Та не улыбалась, не суежилась – просто смотрела: пристально, внимательно, как будто что-то высчитывала.

– А можешь отдать мне свою куртку, – вдруг спросила она, – и кроссовки?

Катя оторопела. Куртку она совсем не собиралась отдавать, да и кроссовки были почти новыми – удобные, чистые, любимые.

– Если я отдам тебе куртку и кроссовки, мне будет холодно... и я останусь босиком, – осторожно сказала Катя, чуть отступая назад, словно ощутив, что грань между щедростью и уязвимостью вдруг стала слишком тонкой.

– Зачем босиком? – хмыкнула девочка, насмешливо склонив голову. – Я тебе дам свои куртку и башмаки: почти как новые... если не считать дырок. Соглашайся. Сделай доброе дело! – и растянула рот в широкой, дерзкой улыбке.

Чернявая, с вихрами, в драненькой куртке – она выглядела так, будто могла торговаться даже с самой судьбой. Катя на секунду представила себя как идёт по улице в чужой, куртке и в тяжёлых башмаках, которые скрипят при каждом шаге. Внутри всё съёжилось. Она уже хотела отказаться. «Но с другой стороны...» – продолжала рассуждать Катя, —«Дома у меня есть ещё одна куртка. И кроссовки – новые. А у этой девочки нет ничего...»

Решение пришло внезапно и окончательно. Она сняла куртку, расстегнула кроссовки. Осень тут же обвила холодом студёной воды— её обнажённую ногу. Чернявая девочка молча передала ей свою поношенную куртку и башмаки с криво завязанными шнурками. Они поменялись одеждой, как в каком-то ритуале. Через пару минут Катя стояла в чужой, не по размеру большой куртке, с обвисшими рукавами и запахом дыма. Башмаки были стоптанные, на одном шнурок болтался, как разорванная нитка. Если бы не рыжие волосы, лохмато торчащие из-под капюшона, Катю вполне

можно было бы принять за одну из цыганских девчонок. Катя стояла в новых-старых вещах, чувствуя, как сырость пробирается сквозь подошву.

– Спасибо, рыжая, – сказала девочка негромко.

Катя кивнула, и, не оборачиваясь, пошла обратно. Скрип башмаков был глухим, но с каждым шагом внутри происходило что-то важное. Казалось, что невидимая шкатулка стала тяжелее.

– Добрая девочка... хочешь, я тебе погадаю? – вдруг предложила та самая чернявая, теперь уже с благодарной мягкостью во взгляде.

Катя удивлённо посмотрела на неё, но кивнула.

– Дай ручку, – и девочка взяла Катину ладонь, с серьёзным видом изучая рисунок линии.

Она нахмурилась, как старуха-ворожея.

– О-ооо, яхонтовая, – протянула она таинственно.

– Что там? – встревожилась Катя.

– У тебя на руке написано... что ты очень добрая! – произнесла девочка с торжественной интонацией и рассмеялась.

– И всё? – разочарованно переспросила Катя.

– И всё! – хитро подмигнула она. – А если всё расскажу – неинтересно будет жить.

Тем временем Катина мама возвращалась с работы. Она шагала в сторону дома, и её вид был сосредоточенно-решительным, что свойственно человеку, скрывающемуся от преследования. Мысли в голове шуршали, как бумаги на ветру:

отчёт, ужин, катина математика, забытая йога и острый, но привычный дефицит терпения. Но внезапно её внутренний навигатор, на который она давно научилась полагаться больше, чем на городской Wi-Fi, резко скорректировал курс – и ноги сами собой свернули в сторону оживлённой кучки детей у края двора. Катя заметила её первой.

– Мама... – прошептала она с ужасом в голосе, подобно злоумышленнику, достигнутому на месте преступления.

Толпа цыганят враз ощутила перемену в атмосферном давлении и, будто по команде, разбежалась в разные стороны, растворившись в вечернем воздухе. Катя, действуя на опережение, тут же сменила курс, намереваясь как можно быстрее добраться до подъезда и оградить себя от ненужных расспросов. А мама... мама вдруг заметила знакомую куртку. Сердце у неё ёкнуло.

– Катя! – окликнула она. Девочка обернулась. Мама чуть не споткнулась – это была не Катя: совсем, лицо чужое, глаза другие.

– Что за... – выдохнула она и обернулась.

В нескольких метрах – ещё одна.

– Катя? – снова позвала она, с нарастающим сомнением.

Девочка обернулась – и снова не Катя: лицо чужое, взгляд чужой. Мама схватилась за голову.

– Галлюцинации? Слишком напряжённый рабочий день? – бормотала она.

Во дворе шныряло не меньше четырёх девочек, подозри-

тельно напоминающих Катю, только с чёрными волосами. Пространство начинало терять логичность. Но тут... появилась она: настоящая, рыжая, упрямая, величественно шествующая в мешковатой чужой куртке и башмаках, которые были настолько стоптанными, что напоминали старинные деревенские лапти. Мама остановилась в полном замешательстве.

– Катя... что это?! – её голос сорвался в диапазон между ужасом и отчаянием.

– Не переживай, – радостно отозвалась Катя, – обычный дружеский обмен!

Мама молча развернулась и пошла к подъезду.

– Хорошо, что это не когнитивное расстройство, – успокаивала она себя.

Катя осталась на месте. Немного расстроенная? да. Чуть обиженная? Да. Внутренний дискомфорт от маминого недоверия холодком прокатился по спине, но не задержался. Это не повод сдаваться. Это была просто переходная облачность на пути к солнцу. Катя стояла у подъезда, гордо сложив руки. В голове звучали фанфары. «Шкатулка, наверное, взорвётся от кристаллов!» – удовлетворённо подумала она. В воздухе даже капельки дождя мерцали одобрением. И хотя солнце уже клонилось к закату, несколько золотых лучей, будто специально, завернули к подъезду и закружились вокруг Кати.

Глава 16 Когда добро не считается

В соседнем подъезде показалась коляска Коли. Его настроение и весь его вид были настолько пасмурными, что над ним, казалось, висела серо-угрюмая туча, из которой сыпался мелкий, упрямый дождик. Взъерошенные воробьи притаились на дереве под широкой веткой, пережидая непогоду. Катя, заметив Колю, оживилась. Она как раз собиралась его навестить, а тут – он сам появился!

– Привет, Коль! – воскликнула она, направляясь к нему навстречу. – Ты чего такой грустный? Двойку получил?

Коля поднял голову. Улыбнулся. Но в его взгляде по-прежнему таилась безнадёжность – не детская, а та, которая не умеет жаловаться. Катя неуверенно протянула руку – чтобы поздороваться. Она коснулась его руки – и в этот самый миг произошло нечто необъяснимое. Тучи, нависавшие над Колей, испарились, дождик стих, растворился в воздухе без следа. А солнечные лучи – игривые и тёплые – осторожно переместились от Катиного подъезда к подъезду Коли, озаряя его нахмуренное лицо. Лёгкий ветер шевельнул листья и принёс с собой приятный аромат весны. Над головами, будто по команде, защebetали птицы – звонко и переливисто, как будто у них появился повод для радости.

– Катя, а что это на тебе?.. – удивлённо протянул Коля, словно только сейчас заметил, что на ней была нелепо меш-

коватая куртка с обвисшими рукавами и облезлыми манжетами, а на ногах – старые потёртые башмаки.

Катя опустила глаза и, не моргнув, соврала:

– Забыла реквизит сдать после спектакля.

– Ты в самодеятельности участвуешь? – Коля с любопытством прищурился.

– Так, ерунда – отмахнулась она, – маленькая роль в спектакле «Вождь краснокожих».

Она сказала это с такой непринуждённостью, будто подобные ситуации были для неё делом обыденным. И, в общем-то, в этом была доля правды. Однажды, летом, в загородном лагере, ей действительно довелось репетировать роль бесёнка Джонни – тот самый малолетний разбойник из рассказа О. Генри. С хвостом из верёвки и рожками, сделанными из перевёрнутых пластиковых ложек. Все тогда смеялись, и вожатая говорила, что у Кати врождённый талант к роли разрушительной стихии. Так что всё, что она сейчас сказала, в сущности, было чистой правдой. Просто время шло, и правду иногда приходилось вытягивать из памяти, как старые лоскутки из стёганого одеяла. Она улыбнулась. А Коля не стал уточнять, что именно ей пришлось сыграть в этом спектакле. Ему почему-то вдруг стало приятно думать, что Катя может быть кем угодно – хоть бесёнком, хоть спасательницей, хоть лучиком солнца с реквизитом за плечами.

– Так ты всё-таки скажешь, что с тобой случилось? – спросила Катя, стараясь сменить тему разговора. – Почему ты та-

кой грустный?

– Я уже не грустный, – сказал он, не отрывая от неё взгляд. – А ты... очень красивая.

Катя даже засмушалась, не зная, куда себя деть, поправила невидимую складку на рукаве куртки. Такого ей точно никто никогда не говорил – тем более мальчишки...

– Глупости, – она кокетливо усмехнулась. – А ты так и не сказал, что у тебя происходит?

Несколько секунд они стояли молча. Потом Коля вдруг произнёс:

– Я вчера вылетел из «АстралКода».

Катя удивлённо нахмурила брови:

– Из чего?

– Ну... – он понизил голос. – Это игра. Новая. Очень интересная! Ты даже не представляешь, как там круто! Там я тоже крутой, не то что в реальности. Там всё... по-другому. Он замер, глядя перед собой, как будто снова оказался там – в своей игре, за гранью экрана.

– Может, что-то с компом? – спросила Катя.

Коля покачал головой:

– Нет. Такое ощущение... как будто меня кто-то специально выкинул. Как будто поняли, что я бракованный...

Катя почувствовала, как по спине пробежал лёгкий холодок.

– А что это за портал? – спросила она.

– Зеркальный портал. Через него можно попасть в... – Ко-

ля замялся. – Я не знаю, что там. Никто не знает. Говорят, там открывается настоящий уровень.

– А кто говорит?

Коля опустил взгляд. Его голос стал почти неслышным:

– Там внутри... есть персонажи. Они не похожи на обычные боты. Они будто живые.

Катю немного встревожила эта информация.

– А как называется эта игра?

– «АстралКод: Омега».

На мгновение повисла тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.